

Юрий Шелков

КРЫСА В ПЛАТЬЕ

Юрий Шелков

Крыса в платье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38570842

ISBN 9785449351432

Аннотация

Тот неловкий момент, когда обычный человек в необычной ситуации остается обычным человеком. Внутренний мир, расчлененка и алкоголь – присутствуют.

Крыса в платье

Юрий Шелков

© Юрий Шелков, 2018

ISBN 978-5-4493-5143-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
– Ну, суки..., – выдохнул я, поднял пистолет и выстрелил себе в лицо.

Все началось, пожалуй, весной тринадцатого года. Около трех месяцев назад мне исполнилось тридцать, я второй год пытался найти более-менее постоянную работу и уже достаточно часто задумывался о том, что, по всей видимости, я совсем не уникальный, и таких вот, как я, «непризнанных гениев» – тринадцать на дюжину. Справедливости ради стоит уточнить, что подобного рода мысли я всеми силами старался от себя гнать, но отсутствие перспектив, как известно, гнетет и топит человека в депрессии.

У меня не было даже этой отдушины. В бытность своей противоречивой молодости я зачем-то прочитал медицинское пособие по классификации и определению депрессий, поэтому прекрасно знал симптомы, этапы протекания и ме-

тоды лечения.

То, чем страдал я, называлось «безалаберность и инертность».

Симптомами этого заболевания были грандиозные планы, на обдумывание которых можно было тратить недели и месяцы, и полное отсутствие практических действий для хотя бы взгляда в сторону их осуществления. Я начинал все чаще размышлять о какой-нибудь тихой работе вечно пьяного сторожа или преподавания английского языка (который я еще не успел окончательно забыть) в каком-нибудь ПТУ или начальных классах средней школы. Думать о том, что, преподаватель из меня, мягко сказать, отвратительный, поскольку живое человеческое общение начинало действовать мне на нервы на двадцатой минуте диалога, я не хотел, потому что это означало бы то, что этот путь для меня тоже заказан, а оставшиеся перспективы были несовместимы с непомерными амбициями.

Посетив за последние месяцы штук сорок собеседований, я поймал себя на мысли, что являюсь уже профессиональным соискателем. Я досконально знал, как общаться с потенциальным работодателем. Легко находился, когда HR-менеджер начинал спрашивать что-нибудь в духе «Почему вы выбрали именно нашу компанию?». Без проблем заполнял в анкетах графу «Опишите свои положительные и отрицательные качества». Да что там – я давал друзьям советы, как вести себя на собеседованиях. И они находили работу.

А я нет.

В промежутках между отказами я пил водку и искал небольшие фрилансерские проекты по сочинению описаний, например, дверных ручек. Но даже таких предложений было очень немного – мало кто хотел работать с человеком без портфолио, собирать которое мне было попросту лень.

Вот примерно в то время все и закрутилось.

Я отчетливо помню вечер, когда прозвенел первый звонок. Возможно, их было несколько и до этого, но я тогда еще не знал, куда смотреть, поэтому вполне вероятно, что я их попросту не заметил.

День был самый обыкновенный. Я сидел перед компьютером, бездумно перебирая страницы в интернете, перескакивая с последних прошивок для телефона на детали войны Алой и Белой Розы. Утреннюю партию резюме я уже разослал, и теперь оставалось только ждать. Ждать я умел виртуозно.

По комнате неторопливо слонялись пылинки, крутятся в солнечных лучах, и, по-хорошему, надо было бы встать и пропылесосить, но долгое сидение дома без какого-либо нормального занятия убивает инициативу. Летают? Да и хрен с ними. Есть не просят.

У соседей за стеной продолжалось празднование неизвестного события. Начинали они еще вчера, причем по-русски: с битьем посуды, шумными ссорами, хлопаньем дверей и выбеганием в подъезд. Сейчас, видимо, наступило по-

хмельное перемирие, потому что слышно было выкрученную на полную громкость музыку, разговоры и чоканье стаканами. Я был уверен, что они пьют из стаканов. Нельзя так веселиться со стопками.

С соседями у нас была неозвученная договоренность. Время от времени ко мне приходили гости. Тогда очень шумный филиал ада открывался здесь. Но соседи не пришли с жалобами ни разу. Мы это оценили и не обращали внимания, когда что-то подобное начиналось за стенкой. Сложившейся ситуацией все были довольны.

Я стряхнул пепел в стоящую у монитора пепельницу, и ткнул в кнопку «Обновить». Страница браузера перезагрузилась, но новых новостей не появилось. Конечно, все работают. Никто, кроме меня, не сидит за компьютером, маясь от безделья.

Из моего меланхолического покоя меня вырвал телефонный звонок. Звонил Вечный.

Конечно, по настоящему его звали не так. По паспорту он был Дмитрий с каким-то абсолютно незапоминающимся отчеством. Но лет десять назад, когда старший брат притащил меня в компанию любителей ролевых игр, каждый старался взять себе какой-нибудь ник. Меня с тех пор называли Скайльдом – я с ума съезжал по викингам и скандинавской мифологии. Брать себе прозвище по имени какого-либо божества мне показалось донельзя пошлым, поэтому я просто пролистал списки имен викингов и выбрал самое понра-

вившееся. Вечный же вроде как не сдержался и выбрал себе ужасно пафосное «Вечный Император». Естественно, никто его так называть не собирался, поэтому ник логично сократился до «Вечный». На таком компромиссе все успокоились, и с тех пор по имени Вечного называли, по-моему, только родители. Да и то не всегда. Вечный частенько звонил мне с предложениями нанести удар по печени. Или приехать к нему, как он говорил, «Посидеть, за жизнь потрепаться», что в итоге означало ту же самую пьянку, только надо было тащиться через полгорода.

Не стал исключением и этот раз.

– Здорово, Скайльд. Как ты смотришь, если мы сегодня до тебя доползем? А то душа требует праздника, а организм – алкоголя, сам понимаешь.

– Идея не лишена смысла. Только я пустой от слова наглухо. Государство не хочет просто так давать мне денег, а работа бежит меня до сих пор.

– Это как раз не проблема, я сегодня с получкой. Жди, около восьми будем. И я не один буду.

– Надеюсь, на этот раз все-таки бабу склеил?

– Иди на хер! До связи.

Вечный пахал на каком-то заводе. Территориально это находилось где-то в районе Станционной, так что с учетом всех вечерних пробок – «около восьми» это был еще крайне оптимистичный вариант. В любом случае времени еще было предостаточно. Я дотащился до холодильника, взял бутылку

пива и упал обратно за компьютер. На колени тут же запрыгнул кот и, затарахтев, начал подставлять загривок, чтобы его погладили. Я зевнул, пролистнул несколько сайтов, свернул браузер в панель. Запустил пасьянс. Передвинул пару карт и закрыл окно. В общем, все было достаточно скучно, когда с кухни донесся звон бьющейся посуды.

Я вздрогнул и поежился. В памяти моментально всплыли всевозможные истории про домовых, полтергейстов и прочую нечисть. Некстати вспомнился репортаж о том, что жильцы соседних домов подавали на компанию, которая строила этот дом, в суд, потому что экскаваторы, копая котлован, отрыли закатанное до этого под асфальт кладбище и при первом же ливне по всей улице поплыли обломки костей. Суд компания то ли выиграла, то ли замяла, и дом на этом месте все же выстроили. И вот зачем я об этом знал и помнил? Только страшнее стало, в самом деле.

Паники добавил Румпельштильцхен. Это кот. Кот Румпельштильцхен. В принципе, он не особо сопротивлялся, когда ему давали имя, так что никакого жестокого обращения с животными тут нет. Вообще, он совсем мелкий еще – трех месяцев нет, поэтому игривый и дурной. Учитывая, что гостей у меня набивается по полквартиры чуть ли не каждый вечер, его больше пугает, когда дома никого нет. При любом шуме Румпель несется выяснять, что это. А тут пригнулся, выгнул спину и, шипя и фыркая, начал пятиться к стене.

«Хорошо, хоть Нэйра еще на работе. Иначе сейчас бы тут

вообще был бы последний день Помпеи!» – подумалось мне. И неожиданно с приходом этой мысли я успокоился. Практически полностью. Даже руки перестали дрожать. И я уже начал думать, что было б, наверное, правильно, пойти и проверить, что там все-таки случилось.

Ничему все-таки не учат нас фильмы ужасов.

Я осторожно перехватил бутылку с пивом наподобие дубинки и, выдохнув, шагнул в коридор. Никаких звуков из кухни больше не раздавалось, и я был готов торжественно признать себя истеричным параноиком, который мало не в обморок падает из-за того, что на кухне сквозняком сдуло со стола какую-нибудь чашку. Усмехнувшись и подмигнув коту, испуганно глядящему в коридор с дивана, я уверенно сделал пару шагов.

И увидел, как навстречу мне из кухни выходит человек.

Что я там говорил про «успокоился» и «расслабился»? Чушь! Я не заорал ровно потому, что был чуть более чем полностью парализован от ужаса! Ноги превратились в глиняные столбики, так что я даже не мог картинно опуститься на диван, как это обычно показывают в кино. Я просто стоял и смотрел перед собой. На человека, выходящего в коридор из кухни. В которой за секунду до этого – я готов был поклясться – не было никого. Даже если предположить, что каким-то невероятно хитрым способом проникнувший в мой дом грабитель – все равно какая-то маловероятная ерунда получалась. Жил я как-никак на седьмом этаже.

Человек, слегка покачиваясь, оперся рукой о стену и повернулся ко мне. У него было крайне уставшее лицо, все перепачканное какой-то черной то ли грязью, то ли сажой. На левой щеке чуть кровоточила свежая ссадина, словно он с размаху налетел на тонкую веревку. Он пристально посмотрел на меня и, все еще держась за стену, шагнул в мою сторону. Я машинально отступил назад. Румпель протяжно взвыл и юркнул за диван. «Охрененный помощник!» – подумал я и, что было силы, стиснул в руке бутылку. Человек, заметив это движение, отстранился от стены и замер посреди коридора. На нем было надето длинное серое пальто наподобие советской армейской шинели, а под ним белела какая-то немислимая кружевная рубашка.

Как я успел заметить – основательно заляпанная кровью.

Странный гость тяжело вздохнул и сделал пару шагов. У меня моментально заныла шея, разболелась голова, и, вообще, я почувствовал себя крайне некомфортно. Ну, как некомфортно... Некомфортно я бы себя чувствовал, например, на приеме у психоаналитика, описывая всю эту ситуацию. В тот момент я чувствовал себя исключительно отвратно.

– Успокойся, – неожиданно сказал незнакомец. Голос был резкий и скрипучий, с каким-то еле слышным металлическим эхом.

– Успокойся, – повторил он еще раз, шагнул вперед и протянул руку к бутылке, – Дай мне.

Я автоматически протянул ему пиво, с трудом соображая, что я сейчас делаю. Человек осторожно взял бутылку, скрутил крышку и жадно припал к горлышку.

– Кто..., – голос у меня сорвался, и я тяжело закашлялся. Кое-как отдышавшись, я сглотнул и попробовал снова:

– Вы кто? И что делаете у меня дома?

Незнакомец наконец-то оторвался от бутылки, жадно перевел дух и снова посмотрел на меня. У него была абсолютно заурядная внешность (если не считать достаточно странной одежды), встретить я его в толпе, я бы прошел мимо, не обратив на него никакого внимания. В данной ситуации такое, конечно, вряд ли бы удалось.

– Успокойся, – в третий раз сказал незнакомец. – Я здесь случайно и скоро уйду. У тебя есть нормальный алкоголь, а не эта моча?

– Из нормального у меня есть дверь. Замечательная такая входная, знаешь ли, дверь. Но это она только называется входной. Это буквально таки умаление ее достоинств. Потому как моя великолепная дверь также является еще и выходной! Не в том плане, что у нее праздник – красный день календаря – а в том, что из нее можно совершать движения, напоминающие, твою мать, выход из помещения!

Под конец я ожидаемо сорвался на крик. «Истерика», – меланхолично и даже с какой-то скукой отметил я про себя. Водилась за мной такая особенность: в состоянии сильного стресса я либо впадаю в ступор, мало реагируя на происхо-

дящее вокруг, либо начинаю болтать без умолку, причем, абсолютно не отдавая себе отчет в том, что несу. А несу, как правило, крайне обидную чушь.

Незнакомец, однако, ничуть не обиделся. Он внимательно посмотрел на меня, чуть склонив голову на бок, потом ухмыльнулся, несколькими большими глотками прикончил мое пиво, поставил бутылку на стол и опустился на диван. Уже сидя он скинул свое пальто, оставшись в черных кожаных штанах, тяжелых, как будто бы армейских, башмаках и белой рубашке. На груди справа рубаха была перепачкана кровью, и виднелся длинный разрез. Обычно в книгах главный герой всегда на глаз определяет, как и чем этот разрез был сделан. «Камзол его был пропорот в трех местах. С первого взгляда было понятно, что такие разрезы могла оставить только заточенная поварешка, обмотанная колючей проволокой!». Увы и ах – моих познаний в таких вопросах хватало только на то, чтобы констатировать: это разрез!

– Тащи бинт и перекись. Не парься, я перевяжусь и уйду.

Незнакомец насмешливо смотрел на меня. Я ругнулся и протопал на кухню, где стояла аптечка. Перекиси в ней, конечно же, не было, йод и зеленку мы с Нэйрой так и не собрались купить (хотя оба режемся со строгой периодичностью). Вздохнув, я открыл морозилку, вытащил болтавшиеся там полбутылки водки, сгреб бинт и вату и отправился обратно в комнату. Человек сидел на диване, рассматривая мой монитор, поставив одну ногу на диван. Не сняв, что ха-

рактерно, грязного ботинка.

– Вообще-то, это кровать. Моя! И по-хорошему, вместо того, чтоб за бинтами на кухню бегать, мне бы ментов вызывать.

Незванный гость еще раз пристально посмотрел в мою сторону. Делал он это весьма странно. Вроде бы он реагировал на то, что я говорю, и смотрел даже на меня, но, тем не менее, постоянно создавалось впечатление, что он смотрит на что-то у меня за спиной, а я несу в данный момент невообразимую чушь и только мешаю его неторопливому созерцанию. Я даже несколько секунд боролся с искушением оглянуться – удостовериться, что сзади ничего нет.

Хотя я вот несколько минут назад также удостоверился, что кухня у меня пустовала.

Незнакомец, однако, опустил ногу на пол и даже пробормотал что-то похожее на «Извини».

– Перекиси нет, не пользуем-с. Да и вообще с антисептиками не богато. Из максимально похожего есть водка. Не самый, конечно, медицинский вариант, но за неимением горничной, сам понимаешь. По крайней мере, примесей там меньше, чем в одеколоне или в духах. Ну, я, по-моему, читал что-то такое. Плюс за переведенные духи, Нэйра абсолютно точно нас убьет. Хотя нет, убьет она меня, а ты свалишь. Да и меня не убьет, а так – покалечит – я ж бессмертный.

– Бессмертный?

Удивленно переспросил гость, расстегивая окровавлен-

ную рубашку.

– Не без этого! Да ладно, не обращай внимания, присказка такая. Хотя с другой стороны – почему вдруг только присказка? Тридцать лет доказывают мне, что я прав. Я ведь ни разу не умирал? Нет. Логично предположить, что если условие выполняется тридцать лет, и за весь период не наблюдалось ни одного исключения, то правило реально работает.

Меня откровенно несло. Я чувствовал, что в скором времени либо разревусь, либо начну истерично хохотать. И непонятно было, какой вариант был бы хуже. Действовал я, между тем, на удивление слаженно и логично. Под рубашкой у незнакомца обнаружился достаточно длинный, но определенно неглубокий (иначе крови было бы гораздо больше) порез. «Как скальпелем», – мелькнула у меня мысль, пока я смоченной в водке ватой стирал запекшуюся вокруг раны кровь.

– Не морщись. Я непосредственно в рану ткнул всего пару раз. Пока что вокруг кровь убираю. Чего, из операционной сбежал что ли? Наркоза пожадничали?

Гость с каким-то удивлением смотрел на то, как я обрабатываю порез, и молчал. С третьей стороны, мне его ответы особо и не требовались.

Непрерывно что-то болтая, я все-таки более-менее очистил рану, протер ее водкой и наложил подобие компресса.

– Ну вот. Как новый. Несмотря на то, что старый. Ну, относительно старый, конечно. Относительно далеких свер-

кающих звезд совсем еще молодой. Вообще, можно сказать не родился. Относительно меня, все же будешь постарше. Хотя тут опять же, смотря, что брать за точку отсчета. Рубашке твоей, конечно, кранты. Кровью ты ее устряпал прямо хорошо. Прости, футболку дать не смогу...

– Думаешь, будет мала? – спросил незнакомец, глядя мне в глаза.

– Нет, – пожал я плечами, – банальная жадность. Ну и потом, я так-то до сих пор не знаю. Кто ты, что ты и как оказался в моей кухне. А эти вопросы, между тем, просто животрепещают в наших сердцах. И я не знаю, какой из них животрепещает сильнее. Вдруг ты, не знаю, Барон Суббота? И из моей футболки сделаешь какую-нибудь куклу Вуду. Или мятежное божество, которое ищет артефакты. В виде футболок. А потом с их помощью захватишь мир.

Я осекся на полуслове. Незнакомец был белее рубашки, которую держал в руках. Он шевелил губами, словно вспоминал что-то. Я почувствовал, что, болтая всякий бред, брякнул что-то такое, что зацепило раненого. Причем зацепило так прямо очень хорошо. «Давай! Надави дальше, он сейчас расскажет что-нибудь» – зашептала мне та моя половина, которая отвечала за два неудавшихся брака, сломанную когда-то ступню и в пьяном виде расплосованную до плеча левую руку.

Дурная, в общем, моя половина.

Искушение было велико. Но я уже мало что соображал

в принципе. Мне хотелось только одного, чтобы вот сейчас все закончилось, незнакомец каким-нибудь хитрым способом испарился, а у меня образовалось свободное время, чтобы выпить оставшуюся водку, открыть пива и спокойно все обдумать.

– Выдыхай, я так, на самом деле, не думаю. Но футболку не дам (что я за нее тогда уцепился, за футболку эту проклятую – понятия не имею. Видимо, нужен был какой-то островок реальности и нормальности происходящего, я не могу придумать другую причину, с чего я вдруг стал таким меркантильным).

Гость вроде потихоньку приходил в себя. Протянув руку, он взял бутылку водки и сделал пару больших глотков. Я огляделся в поисках чего-нибудь, чем бы можно было запить или закусить, но в комнате из съедобного был только Румпель, который все это время прятался за диваном, из полусъедобного фикус, стоящий на полке, над монитором. А из несъедобного – пятый день лежащий рядом с клавиатурой сухарь. Я повернулся к незнакомцу и смущенно развел руками, мол, извиняй, мужик, бананьев нема. Однако, тот, похоже, вкуса водки даже не почувствовал. Выдохнув, он еще раз посмотрел на меня и начал записывать рубашку за пояс. Преуспев, он поднялся, накинул свою шинель и деревянными шагами направился в коридор. Я посмотрел ему вслед.

– Спасибо, – глухо сказал он, не оборачиваясь, – еще во-

прос: я сейчас где?

Мне снова отчетливо послышались металлические нотки в его голосе.

– В коридоре. У меня в коридоре.

Незнакомец обернулся и, внимательно посмотрев мне прямо в глаза, тихо произнес:

– Какой город?

Потом повел плечами, поправляя свое пальто, отвел взгляд и спросил, словно ни к кому не обращаясь:

– И какой год?

Я оторопело посмотрел на него. У меня даже мыслей никаких не было в тот момент. Я, конечно, много читал разного рода фантастических произведений и, что уж греха таить, неоднократно представлял себя на месте главного героя, попутно отмечая, что вот уж кто-кто, а я-то точно таких идиотских поступков совершать не буду. Я, напротив, буду крайне логичен, выдержан, всегда готов к любым неожиданностям. И вот, пожалуйста! Передо мной стоит невеста откуда взявшийся человек, который каким-то образом оказался у меня на кухне, минуя дверь, понятия не имеет, в каком он находится городе и даже больше – какой сейчас год на дворе. А все, на что меня хватает – это, хлопая глазами, промямлить: «Новосибирск. Две тысячи тринадцатый». И что дальше делать в этой ситуации, я понятия не имею.

Раненый гость коротко кивнул и взялся за дверную ручку. Хотелось бы сказать, что вот именно в этот момент я почув-

ствовал, что никогда его больше не увижу, что вот он выбор между старой жизнью и новой, что победила храбрость, и я окликнул его...

Ничего такого, разумеется, не произошло. Я просто стоял и смотрел, как он открывает дверь и переступает через порог. Я даже думать особо ни о чем не думал. Все события последних тридцати минут разом навалились, и единственное, что крутилось у меня в голове, это что сейчас очень неплохо было б все-таки сесть и выпить.

Дверь протяжно заскрипела и захлопнулась. И я понял, что у меня руки не просто дрожат – ходуном ходят. Кое-как доковыляв до комнаты, я рухнул на диван. И тут на меня навалились все последние события. Меня заколотило, будто я стоял на морозе в одной футболке, и из глаз в три ручья полились слезы. Причем я понимал, что реветь-то особо не о чем, но поделаться с собой, естественно, ничего не мог.

«Классическая истерика – спокойно подумал я, протягивая трясущуюся руку за бутылкой, – все, как по учебнику». По учебнику, кстати, рекомендовалось умыться холодной водой, нашатырь и полный покой. Я решил, что мудрость веков сильнее книжных вымыслов, и сделал несколько больших глотков.

Водка оказалась паленой.

Через секунду я уже стоял на кухне, лакая воду прямо из-под крана, потому что искать кружку сил не было никаких. Когда вода со вкусом хлорки сбила наконец-то привкус

жидкости со вкусом водки, я сполоснул лицо, выпрямился и осмотрелся. О визите незнакомца напоминал только тот факт, что водки в бутылке существенно поуменьшилось.

Усевшись на кухне, я закурил и в четыре затяжки вытянул всю сигарету. Меня еще основательно потряхивало, хотя алкогольные эксперименты, существенно улучшили общее состояние. Достав из пачки еще одну, я открыл окно и выглянул наружу. Все правильно: седьмой этаж – хрен запрыгнешь. Что это могло быть? Мозг, разбалованный разного рода фантастикой, услужливо подсовывал с десяток готовых вариантов от пришельцев до путешественников во времени. Рассудок пытался пристыдить мозг, говоря ему, что хватит заниматься ерундой, пора остановиться и придумать нормальное рациональное объяснение произошедшему.

Мозг в ответ с глупой улыбкой разводил руками и ехидно восклицал: «Но его нет! Парадокс!»

Я потянулся за третьей сигаретой.

В дверь настойчиво позвонили.

Я подскочил, наверное, метра на полтора вверх. Во-первых. Нервы и так были натянуты, как кожа на барабане, а, во-вторых, домофона у меня не было, поэтому гости звонили от подъезда, после чего я спускался и открывал им дверь. То есть без предупреждения ко мне в дверь стучались крайне редко.

Реже таких визитов у меня, наверное, только незнакомцы на кухне появлялись.

Я подошел к двери и по привычке заглянул в глазок. И также по привычке выругался. Я не знал того человека, который этот глазок придумал, но каждый раз, когда я смотрел в это произведение оптической индустрии, у меня появлялось стойкое желание забить изготовителю в голову десятисантиметровый гвоздь. С таким же успехом можно было смотреть в стену, в шкаф, в ладошку – эффект был один и тот же. Смотришь в стену – видишь стену, в шкаф – шкаф, в ладонь – ладонь. Смотришь в этот глазок и видишь глазок. Не площадку, нет. Видишь стекло и какие-то разводы на нем. Красота ж! Бесплезно, зато глупо. И дверь мне всегда приходилось открывать, надеясь, что это не товарищи с арматурой, жаждущие моих гипотетических богатств.

Повернув ручку, я толкнул дверь и увидел на пороге абсолютно незнакомого мне человека. «Сосед. Ошибся. Ремонтник.» – пронеслось у меня в голове, и я уже было приготовился отвечать по любому из накатанных шаблонов.

И оказался совсем не готов к резкому удару с левой, пришедшемуся точно в висок.

Мне доводилось и раньше терять сознание. В целом, ничего страшного. Как человек, который раньше много и часто выпивал, могу сказать – очень похоже на очень быстрое опьянение. В голове начинает шуметь, перед глазами плывет, и потихоньку приходишь в себя уже лежащий на земле. Если все это ускорить в несколько раз и добавить боль от удара – получатся ощущения после того, как тебя вырубает.

ют. Ну и опять же ты понятия не имеешь, сколько ты пробыл в отключке.

Вот и я, очнувшись, понятия не имел, сколько прошло времени с тех пор, как в дверь позвонили. Я лежал на полу, голова гудела, как пчелиный улей. Стараясь особо не двигаться, я приоткрыл глаза. Нападавший решил не утруждать себя связыванием и транспортировкой, поэтому лежал я все еще в коридоре. Входная дверь была захлопнута. Судя по звукам, доносящимся из комнаты, тот (или те), кто так навязчиво напросился в гости, были сейчас там. Я чуть повернул голову и чуть не завопил во весь голос. Голову словно разломали пополам – такая сильная была боль. Сморгнув выступившие слезы, я чуть повернул голову так, чтобы прижаться щекой к ламинату. Он был прохладный, и так становился немного легче. Интересно все-таки, кто это и что им нужно? Самое ценное здесь – это я. И эти дебилы чуть это вот самое ценное не сломали! Так, болезненный юмор остался, значит еще не все потеряно. Правда там есть еще компьютер. Полуразобранный. Пятилетней давности. Который сейчас можно продать ну, наверное, тысячи за три. Это если вместе с мышкой, клавиатурой и веб-камерой. Что там еще? Кот? Фикус? Диван из «Икеи»?

Превозмогая боль, я полностью открыл глаза. Напротив моего лица сидел Румпельштильцхен и, потягивая носом воздух, понимающе смотрел мне в глаза. Немного полежав, я подумал, что с головной болью теперь более-менее можно

мириться, но вот с отрядом бытовых штурмовиков в комнате – вряд ли. Драться я не умел и не любил. Можно было попробовать вызвать доблестную полицию – мобильник до сих пор лежал у меня в кармане джинсов, но тут сработал старый принцип неформальной молодости: менты в любой ситуации помогут мало, а проблем не оберешься. Я приподнялся на локте и попытался посмотреть, что происходит в комнате.

Все звуки моментально стихли.

– Очнулся, – прозвучало из коридора, и ламинат застонал под тяжелыми шагами. Из комнаты вышла, как мне показалось с пола, огромная, под самый потолок, фигура. У меня тут же снова разболелась голова. Я подался назад, наваливаясь спиной на стоящую у стены обувь. Фигура уверенно шагала ко мне. Создавалось впечатление, что это был Маяковский, связавшийся с байкерами. Одетый полностью в черную кожу, в массивных, чуть потрескавшихся берцах, человек явно не испытывал никаких сомнений в том, что он прав. Глубоко посаженные почти черные глаза пытливо изучали обстановку. Тяжелая квадратная челюсть. Короткая стрижка. Можно было назвать вошедшего типичным бандитом, «быком» из девяностых. Но в нем было что-то такое, неуловимо легкое, что скрашивало ощущение массивности. Двигался он легко, даже почти изящно. Я потер висок, и посмотрел в глаза мужчине. Румпель мяукнул и попытался залезть под меня. Шестое чувство (и жутко болевший висок) подсказали мне, что вполне вероятно я сейчас огребу еще раз, кру-

че прежнего. Я начал лихорадочно осматриваться. К сожалению, моя склонность к минимализму и нелюбовь к бытовому хламу не оставила мне никаких шансов. В коридоре стоял шкаф и обувь. Так себе, честно признаться, оружие обороны. Тем временем коридор кончился, человек, уже подходя ко мне вплотную, чуть нагнулся, отведя назад левую руку для удара. И в этот момент Румпель решил, что это слишком для его кошачьих нервов. Он истошно заорал и, пробуксовывая на скользком ламинате, рванулся в сторону кухни. Пришелец, вздрогнув, чуть отшатнулся назад...

«И вот тут время словно застыло, и я понял: сейчас или никогда!». Чушь какая! Время не останавливается, понимать ты ничего не понимаешь, а действуешь на автомате. Даже не на автомате. «На автомате» все же подразумевает, что это ты делать можешь и умеешь, и просто не задумываешься над процессом. Действуешь на эмоциях и сиюминутном порыве. Иногда получается неплохо. О девяноста процентах таких действий потом пишут в историях болезни. О десяти успешных рассказываются тщательно перевернутые небылицы.

Нащупав под рукой что-то относительно твердое, я крепко схватил это и с размаху ударил человека по лицу. Эффект превзошел все мои ожидания.

Во-первых, я возблагодарил всех богов за то, что Нэйра носит высокие и тяжелые «Мартинсы». Во-вторых, я очень порадовался, что сегодня на улице теплая погода, и она ушла на работу в кроссовках. Когда тяжелая и твердая подошва

со всего размаха влетела в лицо вломившемуся ко мне человеку, мне показалось, что я отчетливо услышал, как хрустнула кость. Человек мотнул головой и с каким-то наивным удивлением посмотрел на меня. Следующий удар я нанес прицельно в нос. На пол брызнули красные капли. Мой противник приоткрыл рот и начал медленно поднимать руки к лицу, словно не веря, что такое вообще могло произойти. Дальше я просто бросился вперед, стараясь повалить врага на пол. Из-за какого-то абсолютно неестественного везения у меня это даже получилось.

Остальное я помню уже с трудом. Лет в двадцать я ходил на джиу-джитсу (и даже получил зеленый пояс), но в тот момент вся эта наука напрочь вылетела из головы. Я беспорядочно лупил кулаками, стараясь попасть в лицо, противник по мере возможности пытался защищаться и, по-моему, пару раз даже достал меня в ответ. Но, судя по всему, мои первые два удара были достаточно жесткими, потому что отбивался он все слабее и слабее. Сверху вниз, опять же, бить гораздо проще, и удар получается увесистее. Через какое-то количество удачных ударов мой противник закатил глаза и очень неудачно повернул голову. Я со всей силы вмазал ему в висок. Голова мужчины дернулась, и он затих, уронив одну руку на грудь, а вторую вытянув вдоль тела. Я кое-как поднялся – меня колотило и качало из стороны в сторону.

Немного отдышавшись, я полез за сигаретами. Не то, что-

бы они мне сильно помогали сбросить напряжение, просто нужно было чем-то занять себя. Я закурил и посмотрел на лежащего. На вид человеку было лет тридцать пять-тридцать восемь. Черные кожаные штаны, заправленные в черные же ботинки. Косуха того же цвета с минимумом блестяшек. Про лицо сказать можно было очень мало – оно на глазах опухало, наливаясь темным румянцем кровоподтеков. Я бросил окурок в раковину и шагнул к человеку. Руки ощутимо дрожали, я несколько раз глубоко вздохнул, чтобы хоть немного успокоиться. «Это что у нас сегодня, блин, за вечер встречаю, – подумал я, – можно мне назад в мою скучную спокойную жизнь, а? Ладно, первый хоть не дрался, а тут – я потрогал опухшую скулу, провел руками по губам и увидел, что на пальцах осталась кровь – Тут натурально чуть не убили. Чего ему надо было? Мог бы и спросить. Я бы честно сказал, мол, прости друг, денег нет, заходи после пенсии». Я поймал себя на том, что бормочу это все себе под нос. Надо же, я думал, что давно избавился от привычки говорить сам с собой. Вытащив трясущимися пальцами еще одну сигарету, я достал из ящика стола большой кухонный нож и почувствовал себя гораздо уверенней. Обращаться с ним я, конечно, не умел, но осознание того, что я больше не безоружный, успокаивало. Я был абсолютно уверен, что визит лежащего на полу человека напрямую связан с тем, первым, гостем. Только кто это вообще такие – вот вопрос.

На самом деле, я был практически уверен, что происхо-

дит то, о чем я мечтал с тех пор, как первый раз прочитал «Хоббита». Вот оно! Что-то непонятное, явно выходящее за рамки обычного жизненного уклада. Наслаждайся! Тем не менее, наслаждаться получалось очень с трудом. Я прошел в ванну и глянул в зеркало. Зрелище, скажем прямо, так себе. Под глазом синяк, губы разбиты. Герой! Что еще будет, когда этот пассажир очнется!

Очнется! Я метнулся к лежащему. Он был все еще без сознания, но я понятия не имел, сколько он еще пробудет в таком состоянии. «Надо бы чем-нибудь связать что ли», – промелькнула в голове мысль. Только чем? В доме из веревок – гамак и витая пара. Да и привязать особо не к чему – батареи держатся на честном слове. В голове очень удачно всплыла история, которую мне рассказывала Нэйра. Мол, в детстве над ней решил пошутить брат и под видом какого-то хитрого фокуса стянул ей большие пальцы рук пластиковым хомутом. Инструментом, которым этот хомут можно было бы разрезать он, конечно же, не озаботился. По итогу, когда хомут, наконец-то, перепилили, пальцы чуть не упали на пол вслед за пластиковыми обрезками. Я быстро сунулся в один из кухонных шкафов, где у нас хранился всякий бытовой хлам. Хомуты, слава богу, лежали на месте.

Меня можно назвать параноиком, но, когда я остановился, только когда пачка в руках опустела. Зато человек был спеленат на славу. Я удовлетворенно посмотрел на проделанную работу. Выбраться из этого мотка пластика не смог бы

даже Копперфильд. Оставался самый главный вопрос – понять, что мне вообще нужно от этого человека. Логика упрямо твердила, что лучший выход из ситуации – звонок в родную милицию. Здравый смысл советовал прислушаться к логике. Интуиция заявляла, что она сама в шоке от происходящего, и чтобы ее сегодня больше не беспокоили. В итоге все они переругались между собой и сказали, чтоб я выкручивался сам.

Естественно, я никуда не позвонил.

Минут через десять придумывания всевозможных вопросов, я внезапно понял, что никогда не получится из меня грамотный оперативный работник. Потому что тело, лежащее передо мной, хоть и было спеленато в соответствии с жесткими правилами паники и некомпетентности, но я даже не удосужился проверить, что у него в карманах. А ну как найду я там сейчас пистолет. Или удостоверение сотрудника спецслужб. Или шкатулку с клыками драконов и кровью девственниц. Я поежился и полез обшаривать пока еще бессознательного пленника.

Ей-богу, лучше бы я не пересиливал себя и вызвал бы ментов.

Содержимое карманов мало тянуло на обычный комплект грабителя. Ну что может принести с собой человек, который хочет обчистить квартиру? Инструменты для взлома. Какой-нибудь нож. Кусок арматуры. Мешок, в конце концов – вдруг я окажусь абсолютно нехозяйственным товари-

щем, и в квартире у меня не найдется ничего, куда можно было бы сложить награбленное. Это все понятно и более-менее ожидаемо. То, что я обнаружил в карманах моего гостя, не лезло ни в какие ворота. После тщательного обыска на столе передо мной лежал какой-то невообразимый и бессмысленный набор вещей. Старый кортик в изрядно потертых ножнах, колода карт (совсем свежая, по всей видимости, купленная максимум пару дней назад), две короткие свечи, зажигалка Zippo, несколько стеклянных пробирок с мутным и непонятным содержимым (на кровь было похоже с трудом, но я все рвано брезгливо отодвинул их на другой край стола), две монеты, неизвестного мне государства (причем обе две блестящие, словно только вчера сошли с конвейера), пачка сигарет и длинная цыганская игла. Какое-то время я внимательно осматривал все эти предметы, пытаясь связать их как-то воедино. Получалось с трудом. Честно говоря, вообще никак не получалось. В голову лезла всякая ерунда об эльфийских волшебниках, параллельных мирах и неизбежных психических расстройствах. Я на автомате достал карты из упаковки и начал крутить колоду в руках, пытаясь перетасовать ее по-киношному.

Как будто не было за спиной пятнадцатилетнего геймерского стажера, одно из основных правил которого гласит: «Никогда, ни при каких обстоятельствах не трогай предмет, свойства которого тебе непонятны!». Способность думать, по всей видимости, в тот момент у меня была отключена.

Пока я сидел и крутил в руках карты, связанный начал ворочаться, приходя в себя. Разлепив глаза, он попытался утереть лицо рукой. Ага, конечно! Чтобы разлепить мою пластиковую конструкцию, нужна была, как минимум, бензопила. Пленник попытался принять хоть сколько-нибудь удобную форму (что при условии крепко стянутых вместе запястий и лодыжек было, мягко сказать, затруднительно). И в этот момент он заметил, что я делаю.

– Идиот, – обреченно выдохнул он, закатывая глаза, – На хрена ты их взял? Жить надоело?

Несколько оторопев от неожиданного поворота, я бросил карты на стол и, повернувшись к сидящему, уже было приготовился высказать все, что я думаю о подобных визитах, наставлениях и в целом визитах. Брошенная мной колода веером развернулась на столе, а крайняя карта, скользя дальше, закувыркалась в воздухе, опускаясь на пол. Связанный застонал, как будто я у него на груди вырезал свои инициалы. Нагнувшись, я подобрал карту.

– Джокер, – отметил я, – бывает же так. Жаль, не в покер играем – сидел бы ты без штанов. Но эта идея, тем не менее, применима не только к ситуациям за картами. И может быть вполне реализована и вне игры. Я, как бы неожиданно это сейчас не звучало, крайне негативно отношусь к попыткам нанести мне всякого рода травмы. И уж точно не восторгнусь, когда для этого вламываются ко мне домой.

В кухню, где мы сидели, лениво зашел кот, презрительно

покосился в сторону пленника и проследовал к своей кор-
мушке. Мы оба проводили его взглядом.

– Так вот, возвращаясь к вышесказанному, – снова повер-
нулся я к сидящему, – Очень бы хотелось уточнить несколь-
ко моментов, которые буквально не дают мне спокойно спать
последние несколько часов. Начнем с самых простых. И ты
в показаниях не запутаешься, и я как-то объективнее буду
представлять себе ситуацию. Итак, для затравки первые два:
кто ты и какого, твою мать, хера?

Пленник с ненавистью посмотрел на меня, но отвечать
на поставленные вопросы не спешил. Напротив, отвернулся
в сторону и сделал вид, что, вообще, не замечает меня. Я
начал чувствовать, как внутри начинают расти вполне пред-
сказуемые злость и раздражение.

– Я повторю, на всякий случай, еще раз, вдруг мой со-
беседник debil. Я, возможно, сейчас неокончательно донес
свою мысль до вас, вьюноша.

Когда-то один из моих знакомых сказал мне, что при
достаточно продолжительном наблюдении за мной, можно
легко сказать, когда я взбешен. Я перестаю громко гово-
рить и начинаю обращаться к человеку, который меня довел
до белого каления на «Вы». Оглянувшись на свое поведение,
я был вынужден с ним согласиться.

Связанный постарался сделать так, чтобы все его презре-
ние легко читалось у него на лице, и сплюнул на пол. Это
стало последней каплей – я размахнулся и от души врезал

ему по морде. Ударившись о стену, незванный гость еще раз посмотрел на меня и процедил:

– Полегчало? Бить связанного...

– Легко, приятно и главное – безопасно, – закончил я за него, нанося удар с другой стороны. Не то, чтобы я был законченный садист, получающий удовольствие от страданий незащитного живого существа, но меня тоже можно понять. Еще неизвестно, как бы он себя повел, окажись я на его месте.

– Так, давайте расставим все точки над палками, – негромко сказал я, – Я настоятельно рекомендовал бы воспользоваться вашим без всяких сомнений богатым словарным запасом и поведать мне о ваших намерениях. Поскольку в обозримом будущем ко мне должны прийти странные и жестокие люди. Люди, которые привыкли решать различные проблемы силовыми методами. А когда они видят, что проблема не хочет решаться, они несколько расстраиваются. И звереют. А, зверея, они теряют самообладание и зачастую наносят случившимся рядом людям травмы различной степени тяжести. И по странному стечению обстоятельств эти люди считают меня своим хорошим другом и стараются всячески мне помогать, когда у меня случаются неприятности. А я в свою очередь, считаю, что тот, факт, что ко мне домой вломился какой-то хмырь и попробовал меня бить – это вот для меня достаточно большая неприятность. Я ясно выражаюсь?

С этими словами я достаточно сильно двинул ему по но-

су. Дрался я в своей жизни немного, поэтому на ощупь или на внешний вид степень повреждения определить не мог. Тем не менее, с удовлетворением увидел, что нос теперь смотрит в сторону и на подбородок этому странному товарищу течет кровь. Он снова посмотрел на меня и ничего не сказал. Я начинал чувствовать себя глупо.

– Ну и хрен с тобой, золотая рыбка. Времени у нас еще много, район беспокойный, – я сделал страшное и многозначительное лицо, – так что найдут тебя, некрасивый мальчик, где-нибудь за гаражами. Через год!

Для закрепления драматического эффекта я демонстративно отвернулся от него, налил себе полстакана водки и, не торопясь, отхлебнул, многозначительно глядя в окно.

Господи, в райском саду я был бы не Адамом и не Змеем. Я был бы даже не яблоком! Я был бы чертовым деревом!

Водка как была паленой, так и осталась.

Я стоял, глядя в окно, стараясь не поворачиваться лицом к пленнику. Иначе он мог подумать, что его оппонент – жертва пластической хирургии с лицевым тиком в виде последствия неудачной операции. Спас меня звонок телефона, валяющегося в комнате. Сделав максимально суровое и непроницаемое лицо, я вышел из кухни и прошел в комнату. Звонил Вечный.

– Дарова, еще раз.

– Вечный! Вот тот урод, которого я рад сейчас услышать!

Вы уже что ли? Быстро.

– Да-да, я тоже рад тебя слышать. Ну да, в общем-то, сегодня как-то рано все случилось, поэтому мы с Ханом и Нэйрой на подходе уже. Встретились в центре, и как-то так получилось без пробок доехать. По алкоголю – не парься, водки мы нахватили уже, а то, что там у тебя оставалось вообще пить невозможно – такая сивуха. Сигарет вроде тоже взяли. Спускайся уже, открывай.

– Ок. Сейчас выйду.

Я сунул телефон в карман, зашел в ванну, ополоснул лицо и еще раз критически оглядел посмотрел на свое отражение в зеркале. Выглядело жутковато, но терпимо. «Сойдет» – решил я и пошел на кухню. Пленник сидел на полу, привалившись спиной к стене. Когда я вошел, он посмотрел на меня таким взглядом, словно я был соседским котом, который нагадил хозяину в тапки: вроде и гадость сделал, но с другой стороны, кот все-таки соседский, вот пусть сосед и расхлебывает.

– Значит так, я сейчас выйду на полторы минуты из кухни. Оставив тебя наедине с самим собой. Понял меня? Полторы минуты! И вот крайне советую эти полторы минуты провести в размышлениях о своей нелегкой судьбе и подготовке к сотрудничеству с карательными отрядами. В лице меня. И чем продуктивнее будет сотрудничество, тем меньше пострадают дипломаты обеих сторон. Но это к слову. А по факту – только твоей стороны. Поскольку я вот разного рода страдания исключил из своей культурной программы на этот

вечер. Ясно тебе, жертва мутации?

Связанный устало прикрыл глаза. Я посчитал, что это молчаливое согласие и пошел встречать гостей.

Выйдя на площадку, я закрыл дверь, бросил ключи в карман и, нажав кнопку вызова лифта, попытался собрать мозги в кучу. То, что сегодня происходит какой-то малоконтролируемый дурдом – это понятно. Но вот что с этим делать – я не представлял абсолютно. Ладно, сейчас встречу Нэйру, Вечного и Хана, и мы спокойно все обдумаем. И что-нибудь решим. «Главное – не впадать в отчаяние» – как говорил один из киногероев.

С Нэйрой мы жили вместе где-то полгода. Хотя знали друг друга лет десять. А тут как-то внезапно потянуло и оказалось, что на редкость удачно. Что означает ее ник, по-моему, не знал никто, но за столько лет все уже привыкли и по-другому называли ее крайне редко. Нэйра была довольно высокой, плюс никогда не сутулилась, и поэтому казалась еще выше. Человек неумной энергии и неиссякаемый генератор различных идей на тему «Как сделать окружающую реальность чуть более сумасшедшей».

Хан было уменьшительное от Ханумана, насколько мне не изменяла память, какого-то индуистского божества. Хан вообще бредил Азией. Учил японский, читал мангу, смотрел аниме. Очень много знал об обычаях и мифологии азиатских стран. Я всегда подозревал, что он и в поведении старается подражать азиатской сдержанности. Самый хладнокровный

товарищ среди моих знакомых.

«Разносторонняя компания, что и говорить. Надо будет поинтересоваться – вдруг у кого-то есть знакомые в полиции. Или сразу в ФСБ. Ничуть не удивлюсь, а будет крайне полезно», – подумал я, заходя в кабину.

Друзей я встретил, как обычно внизу, около лифта. Дело в том, что в доме всего один подъезд. Зато шестнадцать этажей. И на эти шестнадцать этажей – два лифта, соответственно, грузовой и пассажирский. И вот, сколько я помню, грузовой никогда не работал. Время от времени приходил старичок, обвешанный проводами, открывал двери в шахту, стоял несколько минут, причмокивая языком и изображая оценку предстоящих работ. Жители в благоговейном молчании проходили мимо, надеясь на чудеса. Но чудес не происходило, старичок закрывал двери и уходил. Лифт продолжал скучать в отдельной шахте, а жильцы – материться, когда возделенную кабинку приходилось ждать по пять-десять минут.

Ну и неоднократно получалось так, что пока я ждал лифт, чтобы спуститься и открыть пришедшим дверь в подъезд. Они уже проходили внутрь с кем-нибудь из моих соседей и вызывали лифт и встречали меня, спустившегося вниз, чтобы их впустить. Так получилось и в этот раз. Нэйра, Вечный и Хан зашли в кабину, двери закрылись, и лифт неторопливо поехал вверх.

– Я вот что вам скажу, дорогие товарищи, – начал я, убе-

дившись, что кроме нас никто не услышит мой рассказ, – дома сейчас творится форменный апокалипсис. Он натурально весь день сегодня творится. Во-первых, с утра в квартиру вломился какой-то хмырь! Через кухонное окно. Раненый. Я его перевязал, и он ушел. А спустя пару минут пришел еще один, надавал мне по морде, выхватил от меня в ответ и сейчас лежит связанный на кухне. Да, я прекрасно понимаю, как это звучит, но оно так и есть! Давайте, как-нибудь подумаем, что, блин, со всем этим делать! А то я по тихой грусти начинаю уже с ума сходить по-моему.

Я перевел дыхание и посмотрел окружающих. Вечный смотрел на меня с явным недоверием, Хан – с любопытством, ожидая, видимо, что это все предыстория к какой-то шутке. Взгляд Нэйры предсказывал вызов скорой помощи и продолжительное лечение от алкоголизма в бесплатном государственном заведении.

– Я так-то на предмет пошутить мог и что-нибудь получше придумать, – я сорвался на крик, – Вот приедем – посмотрите! У меня, знаете ли, тоже не каждый день – такой насыщенный! И я с акробатическим мастерством такую насыщенность вертел!

– Да ты успокойся! – скептически протянул Вечный, – Приедем и посмотрим, кто спорит. Вдруг ты, на самом деле, не алкоголик с белочкой, а сумасшедший. А тут раз – и верные друзья на подхвате.

Я отвернулся, достал из кармана сигареты и закурил. Нэй-

ра посмотрела на меня еще более обеспокоено – я никогда не курил ни в лифте, ни на площадке.

– Там что, правда кто-то есть? – спросила она.

– По крайней мере, когда я уходил, он сидел на кухне связаный. Ну и можно мне налицо посмотреть опять же. Я, конечно, отморозок, но избивать себя как-то не привык.

– Трындец! – коротко резюмировала Нэйра и потянувшись ко мне провела по взбухшим синякам на лице.

Между тем, мы добрались до седьмого этажа и подошли к квартире. Я осторожно (кто его знает, что он там мог вытворить) открыл дверь и вошел внутрь. Народ, видимо поддавшись моему паническому настроению, чуть ли не на цыпочках проследовал за мной.

Ходили разговоры, что дом изначально строился для мажоров, и квартиры там изначально были по пол-этажа. Но кризис, недостаточное финансирование и нежелание ждать, когда те самые мажоры понесут таки застройщику деньги, подтолкнули строительную компанию разбить огромные квартиры на много маленьких и распродать их гражданам по более доступным ценам. В результате таких перепланировок получилось несколько квартир, в которых не было ни одного прямого угла. Вот как, например, в нашей. Переступая через порог, человек попадал в относительно прямоугольную прихожую, от которой направо шел коридор в единственную комнату, а прямо была дверь в кухню. Я, не разуваясь, прошел вперед и толкнул кухонную дверь,

приглашая остальных посмотреть на плоды моих увлечений техниками связывания.

И охренел.

На кухне никого не было.

Я стоял и смотрел туда, где только что сидел пленник. И почти физически ощущал, какими глазами на меня сейчас смотрят ребятишки (дурацкое слово, но вот подхватил же у отца несколько лет назад, да так и не могу перестать его использовать).

– Мдааа, – протянул Вечный, – а ведь давно стоило догадаться, что пьянство в одно лицо не приведет ни к чему хорошему.

Я стремительно обернулся.

– А это! И вот это! – я ткнул рукой в ссадины на лице, – Это я что, сам себе сделал?

– По синей воде у тебя и не такое бывало, – парировал Вечный.

Я обернулся к остальным.

– Не-не-не, меня не спрашивай, я не знаю, – замахал руками Хан, – я хочу со стороны понаблюдать, чем это закончится.

Нэйра как-то особенно тяжело вздохнула и прошла к холодильнику. Я понял, что из всех присутствующих мне не верит никто. Даже, наверное, я сам, потому что тоже уже не был ни в чем уверен. Народ рассаживался, пододвигая к себе стаканы – по давней традиции мы сидели на кухне,

потому что курить решили только тут. А курили все вчетвером.

– Я теперь даже не знаю, – насмешливо протянул Вечный, – тебе водки, Скайльд, в наперсток нацедить? Или сразу дурку вызвать? Не переводя ценного продукта.

Я понял, что сейчас либо снова сорвусь в истерику, либо брошусь в драку. Меня все-таки ощутимо потряхивало еще после последних событий. Я достаточно грубо послал Вечного в незатейливом направлении, попробовал затянуться и понял, что сигарета давно погасла. Прикуривая, я машинально посмотрел на пол...

И увидел лежащую там карту с изображением человечка в черном шутовском костюме с бубном в руке и злобным выражением лица. Бросив сигарету в пепельницу, я потянулся и подобрал джокера. Стол, когда мы вошли, был пустым, не осталось ничего из того, что я выгреб из кармана связанного. Но вот карта почему-то до сих пор валялась на полу. Странно. Я абсолютно не помнил, что я сделал с картой, когда подобрал ее в прошлый раз. Сунул в карман? Положил на стол? В голове вообще пустота. Может, я ее и оставил. Не заметил он ее что ли, уходя. «А может, он и не сам уходил?» – мелькнуло вдруг у меня в голове. С такими мыслями я, зажав карту в руке, буркнул что-то в духе «Отвалите!» и направился в ванну— нужно было посидеть и попробовать разложить все произошедшее по полочкам. Ну, или хотя бы успокоиться.

– Скайльд, да ладно ты не дуйся, – это Вечный.

– Да идите вы в пень, – это Нэйра. – Что-то же случилось!

Скайльд! Вернись!

– Ну, мы же не будем от этого зареветь – у нас вырастет новое поколено. Странно, что его так накрыло, хотя я слышал, что его как-то раз с чем-то очень на белочку похожим уже заставляли, – это Хан.

Мне и в самом деле надо было посидеть и перевести дух. Мысли скакали, никак не желая приходить в порядок. Что это было? И, вообще, это было или нет? Может и впрямь уже «алкоголь быстро впитался в кору детского головного мозга»? По дороге я ощупал саднящие ушибы. Нет, извините, конечно, но не настолько я сегодня был выпивший, чтоб так красиво сам себя разукрасить. А что тогда было? Откуда взялся первый? Куда делся второй? Кто это, мать их, вообще такие? – Скайльд, – крикнул из кухни то ли Вечный, то ли Хан, – ну хорош, правда! Иди уже обратно. Как самого несет, так хрен остановишь, а в твою сторону даже пошутить нельзя!

«Иди в жопу!» – подумал я, делая вид, что не услышал. Тем не менее из ванны я вышел. Потер глаза и решил, что пока не хочу никого видеть. Нэйра выглянула из кухни и вопросительно посмотрела на меня. Я махнул рукой, мол, не сейчас и потопал в комнату. Нэйра пожала плечами и вернулась обратно. Я вошел в комнату.

Комната заканчивалась круглым эркером (я уже говорил,

про нестандартную планировку), поперек которого я повесил гамак. Подойдя к нему, я улегся, вытянул ноги и стал пристально изучать джокера. Что-то же должно было быть не так с этой картой. Я повертел кусочек картона в руках. Карта, как карта – бумага и чернила. Была б хоть из колоды Таро – можно было бы хоть как-нибудь навязать ей какой-то мистический смысл. Но ведь нет – просто игральный джокер. У меня лежал комплект для игры в покер (иногда, когда собиралась компания, помаленьку баловались картами), так там ровно таких же – штук шесть. С одной стороны, карта не могла не быть связана со странными сегодняшними визитами. С другой – я понятия не имел, как это можно все вместе сложить.

Я валялся в гамаке, когда в комнату вошла Нэйра. По ее виду было понятно: что-то явно не так. Она и так достаточно нервно реагировала на непонятные и необъяснимые события (хотя обожала смотреть мистические фильмы ужасов), но тут была просто сама на себя не похожа. Я вскочил.

– Нэйр, что случилось? – я подбежал и попытался обнять ее. Нэйра отстранилась и, посмотрев куда-то мимо меня, молча указала рукой в сторону окна. Автоматически я проследил это движение взглядом. И увидел, что за окном расположена наша комната.

Знаете, как бывает, когда не задернуты шторы, включен верхний свет, а на улице уже давно за полночь? Если смотреть в окно, то улицы не видно совсем. Зато прекрасно вид-

но отражение комнаты в стекле. Немного нечетко, все-таки стекло не зеркало, не дает четкого изображения, но, тем не менее, можно вполне различить, предметы мебели, людей, происходящие в комнате действия.

Так получилось и здесь, только времени было около восьми, а на дворе стояло лето, когда к одиннадцати вечера только начинает понемногу темнеть. И все же комната в стекле отражалась весьма отчетливо. И, что самое главное, сквозь это отражение не просвечивало ничего. Никакой улицы, соседних домов, неба – ничего. Словно кто-то одним махом пристроил по ту сторону стекла точно такую же комнату, как у нас. И еще какой-то момент резал глаз так, что аж холодок пробежал по спине. Только вот я упорно не мог понять какой. Стараясь избавиться от этого ощущения, я начал все пристальней вглядываться в отражение. Нэйра осторожно взяла меня за руку и тут же, что есть силы, сжала мою ладонь.

– Мы... – одними губами выдохнула она, не переставая указывать на окно. И тут я понял, что не устраивало меня в той картине.

В комнате за окном не было ни единой живой души.

Наверное, у каждого человека все же есть некий лимит на удивления в день. После его переполнения начинаешь воспринимать все, как само собой разумеющееся. Необычных событий я сегодня пережил более чем достаточно, поэтому просто стоял и смотрел в окно. Нэйра стояла рядом – ее руки ощутимо дрожали.

Я сделал несколько шагов к окну. Отражение осталось неизменным. Ни меня, ни Нэйры, если верить увиденному, в комнате не было. Протянув руку, я осторожно коснулся стекла. Стекло, как стекло, ничего особенного. Попробовал открыть окно. Вот тут-то нас ждал очередной сюрприз: ручка не поворачивалась. То есть не то, что она застряла или, скажем, заблокировалась фурнитура. Нет, она как будто стала продолжением пластиковой рамы. Несмотря на то, что я уже давил изо всех сил, она даже не шелохнулась.

– Приехали, мать, – я повернулся к Нэйре, все еще стоящей посреди комнаты в состоянии уверенно приближающейся паники, – Станция «Конечная». Просьба освободить вагоны. Это я в том плане, что окна не открываются. Двери мы, конечно, еще не смотрели, но я крепко подозреваю, что там та же ситуация. Мои поздравления: у нас только что весьма и весьма взлетели шансы, жить под одной крышей долго и счастливо и умереть в один день. Первым предлагаю съесть Вечного. Он хоть и худой, но позволит нам все-таки протянуть какое-то время. Пойдем потихоньку, чтоб не спугнуть, ага?

– Что это? – прервала Нэйра мой поток сознания.

– Да хрен его знает. Я же предупреждал еще в лифте, что что-то непонятное творится. Ну, так вот мне иногда можно верить. И не думать, что мой диагноз – белая горячка.

Последнюю фразу я сказал нарочито громко, чтобы меня было слышно на кухне.

– Ой, да ладно, – моментально откликнулся Вечный, – А то мы не знаем, как один наш неутомимый в алкогольных излишествах товарищ чертей по квартире гонял.

Положа руку на сердце, ходила про меня такая история. Правда я абсолютно этого не помнил, потому что предварительно лег спать и подозревал, что все дело в банальном лунатизме, которым я по рассказам родителей и очевидцев страдал еще с детства. Но тут уже мало что докажешь, поэтому каждый третий был практически уверен, что посещала таки товарища Скайльда белая горячка. А каждый второй был в этом уверен на сто процентов.

Я развернулся и пошел в кухню, практически таща за собой Нэйру, которая, по-моему, до сих пор отходила от шока. Войдя, я кивнул на стопку, Вечный взял бутылку, Хан пододвинул мне стакан с колой и пепельницу. Внутри меня царило какое-то ледяное спокойствие. Я абсолютно не знал, что происходит, что с этим можно сделать и чем это все закончится, но все размышления по поводу сложившейся ситуации не вызывали никаких эмоций. Парни посмотрели на Нэйру и несколько занервничали – у той гамма переживаний была написана на лице. Причем шрифтом рекламных плакатов.

– Итак, господа белковые, – начал я, закуривая, – мы имеем какую-то странную хрень, с которой нам нужно, видимо, что-то сделать. Не надо смотреть на меня понимающим и сочувствующим взглядом, предлагаю вместо этого глянуть

за окно. А еще лучше – попробовать его открыть.

Хан вопросительно посмотрел на Нэйру – та кивнула, мол, да, это не блажь и не пьяные выходки. Тогда он перевел взгляд на окно, стараясь увидеть там то, что могло так нас напугать. Ему, видимо, как и мне, не сразу бросилась в глаза столь очевидная вещь. Несколько секунд он пристально всматривался в стекло, все еще надеясь, что это какая-то шутка. Потом неуверенно протянул руку, чтобы попробовать открыть. В эту же секунду Румпельштильцхен решил, что с ним, наконец-то, решили поиграть, и вспрыгнул на подоконник. Я с немалым удивлением увидел, что кот преспокойно отражается в стекле, и даже подумал, что может быть там, в комнате, нам просто показалось. Но отражался только кот, никого из нас в окне не было.

Рука Хана остановилась на полпути к оконной ручке.

– Ни хрена себе! Это как так?

Тут даже Вечный лениво (всем своим видом показывая, что ему на мои выходки наплевать) покосился на окно. И тоже застыл с полуоткрытым ртом.

Окно перед нами показывало кухню, стол, на котором стояли бутылки, пепельница, лежали сигареты. На подоконнике игриво скакал Румпель. И все. Все четыре табуретки стояли пустые.

– Может быть, хоть теперь прислушаемся к тому, что я рассказываю? – я одним глотком выпил налитую водку и закурил.

Хан механическим движением взялся за ручку и попробовал ее повернуть. Как и ожидалось – ручка не поддавалась ни на микрон. Я облокотился на стоящую позади меня плиту. Ребятишки подавленно молчали, переосмысливая ситуацию.

– Итак, на чем мы остановились? Что нам надо что-то делать.

Я вкратце, но, стараясь не упустить ничего существенного (хотя кто его знает, что тут может быть существенным, а что нет), еще раз пересказал, что произошло.

Вечный поднялся и постарался посмотреть сквозь окно по сторонам.

– Кухня, – уныло констатировал он и вдруг прильнул к окну. Потом отошел, внимательно посмотрел еще раз на стол, затем снова в окно. Мы с интересом следили за его действиями.

– Не понимаю я, конечно, что происходит. Но на отражении нет не только нас. Смотрите, – он ткнул пальцем в отражающийся стол, – Разные картинки.

Все посмотрели на стол. В самом деле, стол за окном был похож на то, что стояло перед нами только отдаленно. У нас бутылка была открыта, пепельница топорщилась окурками, а по всему столу были беспорядочно расставлены стаканы с колой. В зазеркальном эквиваленте бутылка была плотно запечатана, сигареты покоились в плотно запечатанных пачках и, вообще, создавалось впечатление, что вечерняя гулянка

ка еще не начиналась. Словно мы зашли на кухню, поставили все на стол и вышли в комнату. Мы снова расселись вокруг стола. Вечный, оставшийся стоять, прошел в коридор и неудачу дернул дверную ручку. Естественно, та даже не дрогнула. Он вернулся обратно, сел за стол и закурил. Руки у Вечного заметно дрожали. Я вытянул из кармана джокера и положил перед собой.

– Вот, собственно, единственное, что осталось от второго товарища. Который, блин, боксер, – я потер до сих пор ноющий висок, – Как это нам поможет – ума не приложу. Но клин клином, а кесарю – кесарево. В плане, что есть у меня подозрение, что вещи, которые у нас хранились в квартире до сегодняшнего дня, нам мало помогут. Но тут опять встает вопрос – а эта картонка как поможет?

Нэйра тяжело вздохнула и молча пододвинула свою стопку к Вечному. Мы с Ханом последовали ее примеру. В полном молчании все дождались, пока Вечный разольет водку, и также без слов выпили.

– Слушай, Скайльд, – Вечный повернулся ко мне, – может они что говорили? Может там хоть полслова? Вспомни еще раз.

– Да они так-то малоразговорчивые были. Особенно второй, ну. Чертовщина творится какая-то. Я подумаю, если вспомню, то скажу. А пока предлагаю подумать о насущном. Выйти мы не можем. Войти к нам, я подозреваю, тоже нельзя. Хотя тут непонятная ситуация – как это все со сторо-

ны выглядит. Между тем нас четверо, и холодильник, хоть и имеет некий стратегический запас еды, но как бы отнюдь не резиновый.

Румпельштильцхен потрогал лапкой свое отражение в стекле, ткнулся в него любопытным носом и спрыгнул с подоконника мне на колени. Я автоматически почесал ему за ухом – кот тут же замурлыкал и пристроился подремать – и продолжил.

– Опять же вот вопрос – почему в стекле отражается кот. А мы нет. И если он отражается, может там посредством его удастся и дверь открыть? Или окно?

Вечный потянулся и взял карту.

– Мне вот интересны два момента: почему второй так занервничал, когда ты взял в руки колоду, и почему, если она так важна, он оставил карту здесь, а не забрал с собой. Может сжечь ее от греха подальше?

– Основываясь на богатейшем опыте игры в разного рода настольные и компьютерные игры, я могу тебе сразу сказать, что идея достойна человека-идиота. Я весьма опасаясь что-нибудь подобное делать с вещами, свойства которых я не знаю. Я вот не уверен, что вместе с этой картой у нас вся квартира не полыхнет. И мы вместе с ней.

– Резонно. Стоп! А телефоны?

Все потянулись к мобильным. На удивление – у каждого на экране показывалось стопроцентное покрытие сети. Я попытался набрать номер отца. В трубке раздались длин-

ные гудки. Я ждал, пока не прекратился набор номера. Судя по лицам остальных – ситуация у всех была та же самая.

– Инет! – повернулась к ноутбуку Нэйра. Мы с интересом посмотрели на экран. Скайп показывал, что кто-то из знакомых находится в сети непосредственно сейчас. Нэйра нажала на кнопку, пошел звук вызова...

И снова ничего.

– Странно, – протянул Хан, – но теоретически они же все в сети. Может просто не слышали?

– Все вместе? – скривился я, – Коллективная глухота? Птичий грипп, наконец-то, добрался и до сибирских просторов? Слепые, глухие и безрукие граждане бессмысленно бродят по улицам.

Мы снова посмотрели друг на друга. Мне все это напоминало какую-то настольную игру, где ведущий мастер дает задание, а группа игроков пытается найти выход. Они перебирают всевозможные варианты, пока не наталкиваются на какую-то подсказку, опираясь на которую уже можно найти решение. Вот только у нас не было такого мастера и все это, несмотря на то, что явно отдавало бредом, происходило взаправду.

– Может попробовать в стены постучаться? Или в дверь? Тут перегородки картонные – сколько раз нам стучали, когда мы засиживались! Вдруг отзовется кто, мало ли.

Я про себя подумал, что вряд ли нас, вообще, хоть кто-нибудь в этом мире может увидеть или услышать. Но вслух

сказал:

– А идея вполне себе. Чего бы не попробовать. Даже если возмущенная общественность вызовет ментов – это нам будет даже на руку.

Какое-то время мы и в самом деле старательно шумели. Реакция, как и ожидалось, оказалась нулевой. Выдохнувшись, мы снова расселись за столом.

– Давайте еще раз и по пунктам, котики, – сказал Хан, вытягивая сигарету из пачки, – Что у нас есть в активе? Мы может передвигаться, дышать, разговаривать...

– Выпить можем!

– Выпить опять же, да. Плюс есть какая-то карта, от которой непонятно какая польза, и есть ли польза вообще. Красота! На хрен я вообще сегодня к вам поперся?

– Вопрос, который нас всех интересует. Причем не только гостей, но и хозяев. Но что-то же можно сделать? Если бы ничего нельзя было сделать – на кой нас так закрывать? Можно было бы просто пристрелить – ровно тот же эффект был бы. Может мы, не знаю, представляем ценность какую-нибудь?

– Ну, точно, – Нэйра скептически оглядела всю компанию, – Пищевую. А Вечный со своей бородой – еще и шерстяную промышленность представляет, не иначе. Кому мы, блин, нужны. Ты, Хан, не специальный агент, нет? Может, ты у себя на балконе в пентаграммах половину ада уже вызвал, только не признаешься? Я, конечно, тоже с трудом понимаю, что происходит, но вот очень вряд ли, что мы такие

незаменимые и бесценные!

– Теория с пищевой ценностью, кстати, заслуживает внимания, – проговорил я и задумчиво потыкал Вечного вилок. Тот немедленно показал мне в ответ кулак, – С другой стороны, это ж какими небрежливыми надо быть!

Над столом снова повисло молчание. Не сговариваясь, мы выпили снова, потом сразу же – еще по одной. И достаточно быстро, без слов, прикончили бутылку до конца. Вечный полез в холодильник за новой. Других предложений ни у кого не было, поэтому Вечный снова наполнил стопки. Казалось, что мы не пьянем, но я по опыту знал, насколько это обманчивое ощущение.

– Мне вот все-таки интересно, дай-ка карту, – Хан протянул руку. Я подал ему карту. Хан взял ее и начал пристально ее разглядывать. – Написано что-то. На джокерах пишут что-нибудь? В курсе кто-нибудь?

– Да вроде нет. А там написано что ли?

– Ну, вот какие-то буквы. Или символы. Хрен его разберет, короче.

– Похоже на футарк...

– Опа! Вот Вечный и спалился! Толкинист, блин! Деревянный меч с собой принес или вместе с занавеской в лесу оставил?

– Идите в пень! Мне вон Скайльд по пьяни налечивал, что на футарке разве что книги читает!

– Я? Пьяный? Когда я пьяный – ты уже обычно мертвый!

Тем не менее, на карте на самом деле было что-то написано. Руны были очень мелкие и шли по периметру рамки рисунка – немудрено, что я при первом взгляде принял это просто за узорную вязь. Правда, как можно было принять руны за «узорную вязь», не могу понять до сих пор.

– А серьезно, кто-нибудь разбирается? Я в очень-очень общих чертах знаю значение нескольких рун. В свое время интересовался рунным гаданием. Но тут, сами понимаете, трактовать значение одной руны можно, как минимум, десятью способами.

– В целом, есть Интернет под рукой. Нэйр, кстати, проверь, плиз, там вообще найти можно что-нибудь?

Нэйра повернулась к ноутбуку. Спустя какое-то время, она повернулась и утвердительно кивнула.

– Вполне, все сайты рабочие, все открывается. Исходящие сообщения, правда, все также не прочитаны.

– Не суть. Главное – можно посмотреть, что именно они означают!

– Конечно! Интернет же никогда не обманывает. Отправь, кстати, смс на короткий номер, и мы пришлем тебе полное толкование всего этого цирка, что сейчас творится.

– Есть варианты лучше что ли, я понять не могу? Ты, Вечный, у нас внезапно эксперт по таким делам?

– Все равно я считаю, что возиться с рунами этими – полная бредятина. Давайте объективно смотреть, что происходит! Я понимаю, что Скайльд у нас периодически не успева-

ет с игры вернуться, поэтому ему везде эльфы мерещатся. Но в реальной жизни такого нет! И не было никогда! И надо думать, что могло с нами произойти реально! А не «давайте разгадаем руны и пройдем этот квест»! Бред какой-то!

– Знаешь, Вечный, иди ты, конечно, с миром. Но в жопу! Не хочешь заниматься – сиди и думай, что это за оптический обман за окном. Какого хрена ты нам-то указываешь, что делать?

– Да и не хотелось. Подсказывать, блин, идиотам, что делать – себе дороже.

– Да заткнетесь вы или нет! – не выдержав, заорал Хан, и Нэйра с благодарностью посмотрела в его сторону. – Какая хрен разница, что делать, если ничего сделать не можем! Вы еще подеритесь, толпа, вашу мать, нанайских девочек!

Я откинулся назад, пытаюсь одновременно выпить стопку и прикурить сигарету. Вечный демонстративно смотрел в окно. «Мда... Мы так натурально поубиваем друг друга на третий день, – подумал я, – Определенно нужно искать выход!»

Нэйра встала, достала с полки листок, ручку и протянула Хану. Тут пожал плечами и принялся перерисовывать руны с карты.

Я просто наблюдал – все равно, я настаивал, чтобы именно это и сделать. Вечный пару раз выпил, ни с кем не чокаясь и не глядя на нас, но потом все равно начал посматривать на работу Хана.

Руны в итоге оказались не так уж и много – одна и та же последовательность повторялась несколько раз. Хан, на всякий случай, переписал их все, сколько было, и отложил ручку.

– А теперь? – спросила Нэйра.

– А теперь – самое веселое. Придется искать в гугле по рисунку руны и смотреть, что она означает.

– На кой так? – Вечный пододвинул к себе листок. Мы с Нэйрой переглянулись, чуть улыбнувшись. – На кой так? Загуглите просто «Футарк». Теоретически должна быть ссылка на весь этот алфавит с информацией по каждой руне. А, зная, как звучит название руны, искать будет куда как проще. Правда, вот даст нам это половину от ничего.

– Хоть какое-то занятие. Может, что получится выяснить.

Какое-то время все сидели молча. Хан старательно обводил на листке руны, стараясь придать им объем. Рисовал он всегда хорошо. Даже сейчас старался изобразить руны так, чтобы было красиво.

Идея, на самом деле, граничила с идиотизмом, но, как и было сказано, больше заняться было особо нечем. Я потянулся было к листку, но увидел, что Хан еще не закончил, и пододвинул Вечному пустую стопку. Тот глянул на меня и взялся за бутылку. Мелкий конфликт был задавлен в зародыше.

– Готово! – Хан отложил ручку и сдвинул листок ближе к центру стола. Мы невольно подались вперед. Рисовал Хан, конечно, великолепно. Руны на листе выглядели так, буд-

то бы лист был вырван из какой-то древней магической книги. Нэйра повернулась к ноутбуку, я взялся за ручку.

– Ну что, полезли в гугл. Диктуй, я запишу.

Через какое-то время у нас были изображения рун, их названия и примерное значение.

– Что теперь? Пишем в столбик и поем акапелла? Подражая церковным песнопениям?

– Между прочим, вообще, затевать всю эту возню с рунами была твоя идея! Так что можешь особо не выпендриваться.

– Так... Райдо, Манназ, Уруз, Эйваз и Перт. Дальше они просто повторяются. И значения просто отличные! «Езда» или «Дорога», «Человек», «Неуправляемая сила природы», «Защита». Это первые четыре. А насчет пятой гугл просто великолепен! Как там? – я склонился к монитору ноутбука – «Традиционное значение этой руны точно не установлено, но гипотез на этот счет выдвигалось множество. При гадании предвещает тайну, приключение. По утверждению [Варга Викернеса](#), данная руна переводится как „путешествие“ и символизирует посвящение, тайны, а также поиски ответов на тайны, и связана со [Слейпниром](#) и его родителем [Локи](#). Также она символизирует поездку в потусторонний мир и изображает лошадь в вертикальном полете, скачущую напрямую вверх или вниз, в [Асгард](#) или [Хель](#)»!

Закончив чтение, я выдохнул, откинулся назад и потянулся за сигаретами. Но не удержался и, картинно махнув рукой

в сторону монитора, продолжил:

– А! Каково? Не желаете в потусторонний мир, господа? Или куда там эта лошадь скачет? Что у нас там за станция следующая? Асгард? Хель? Давайте на посошок и выдвигаться!

Я чувствовал, что меня снова начинало нести. Все-таки стрессовых ситуаций за день было несколько, а нормально выдохнуть не получилось ни разу. Остальные приумолкли, глядя на исписанный лист на столе. К пониманию, что происходит вокруг, мы не придвинулись ни на йоту.

– Я бы предложил названия рун вслух прочитывать – может, что случиться.

– Я думаю, эти названия читали вслух столько раз, что все, что могло случиться, случилось уже давно. Я предлагаю все же с картой сделать что-нибудь. Как вариант сжечь.

– А что нам это даст? Ну, вот сожгли мы карту, сидим перед горсткой пепла. Все так, как и было, только мы теперь без карты. Непонятно, правда, какой нам с нее прок, но я бы посоветовал сохранить пока.

В целом, от чего ушли, к тому и пришли. Как сидели, так и остались сидеть. Нэйра посмотрела на монитор:

– Между тем, время третий час ночи. Давайте спать падать потихоньку? Это Скайльд дома сегодня, все остальные с работы. Ну и выпили, между тем уже немало, – махнула она рукой. Мы проследили за этим движением и уперлись взглядом в три пустые водочные бутылки.

– В самом деле, – Вечный поднялся, – давайте упадем до утра, там посмотрим. Благо завтра выходной, можно не париться, что вставать рано. А там посмотрим, может реально попустит.

Мы все начали вставать, громко передвигая табуретки. Посуду было решено просто покидать в раковину – ни мне, ни Нэйре не хотелось сейчас ее мыть. Я достал со шкафа пару спальников Вечному и Хану, и те привычно улеглись на полу, рядом с диваном. Нэйра устроилась на диване и, кажется, моментально отключилась. Всегда поражался этой ее особенности – человек мог уснуть в течение двадцати секунд. При этом не то, чтобы ей очень спать хотелось до этого, просто вот «надо лечь спать». И Нэйра ложилась и засыпала.

Я осторожно прилег рядом. Сон, как назло, словно рукой сняло. Я просто смотрел в потолок, размышляя о том, что успело случиться за сегодня. С пола доносилось размеренное похрапывание Вечного – тут понятно, он умудряется за столом во время разговора отключаться, ничего странного. Было слышно, как на кухне Румпельштильцхен гоняет от холодильника до плиты свою плоску.

«Интересно, – подумал я, – что будет завтра? Я даже не знаю, что было бы хуже: если бы мы встали, как ни в чем не бывало, и о вчерашнем напоминала бы только эта дурацкая карта, или, если бы все осталось, как сейчас. С одной стороны, если бы все закончилось с утра, все бы выдохнули с облегчением. С другой – что это было тогда? Группо-

вое помешательство? Массовая галлюцинация, передающаяся воздушно-капельным? Непонятно...

Нэйра глубоко вздохнула и прижалась ко мне. Я осторожно посмотрел на нее. Она, к моему вящему удивлению, не спала, а просто лежала, вглядываясь в темноту. Обычно в доме у нас светло даже ночью – фары машин, фонари, освещенные рекламные щиты – по комнате постоянно гуляли отсветы. Сегодня же, наоборот, было темно и с улицы не доносилось ни одного из привычных для проезжей части звуков.

– Знаешь, – вдруг сказала Нэйра, – А ведь вот оно волшебство. Самое настоящее. То, о котором мы мечтали в детстве, читая разные книги. В полный рост. И мы в этом волшебстве по уши. И вот ты знаешь, я совсем не так себе представляла знакомство с миром, мать их, чудес!

Я понимающе кивнул. На ум пришла байка, которую мы рассказывали друг другу лет восемь-десять назад, когда сидели вокруг костра у палаток. «Ах, как здорово было бы оказаться в мире фэнтези! Маги, драконы, мечи, луки! Оседлал лошадь и вперед, навстречу приключениям! А никто не думал, что лошади у него может и не быть? Ну, не накопил ты на лошадь. Ты бомж! И вот валяешься ты в канаве, неизлечимо больной, скажем, ангиной. Да-да, она в этом мире – одно из самых страшных заболеваний, потому что медицина в зачаточном состоянии, а на услуги магов, которые могли бы тебя вылечить щелчком пальцев, денег у тебя естественно нет. На чем я остановился? На канаве! И вот лежишь ты в канаве,

весь напрочь больной, а мимо тебя идет процессия. Это возвращается герой с подвига. Он впереди, на коне, весь в белом. Ага, он весь в белом, а ты в дерьме! Это я так, напомнить, вдруг ты забыл уже. И вот он едет к главной площади, а впереди, значит, бегут слуги и стражники, которые в толпе для него коридор делают, чтобы он с пафосом и почестями ехал, а не продирался через крестьян и торгашей. И, конечно же, ты попадаешься под руку. Тебя бьют и отбрасывают в сторону, чтоб не мешал. И пока герой, не торопясь, движется дальше, ты тонешь в канаве, затапываемый в грязь ногами обывателей. Картина не особо радужная, зато реальная. А то каждый думает, что он, попадая в сказку, всегда окажется главным героем. На худой конец, главным злодеем. Никто не думает, что он окажется просто никем. Хотя это, как раз, самый приближенный к действительности вариант». Ситуация очень напоминала ту задницу, в которой мы оказались. Я даже подумал, что раз в жизни пережить массовый приступ сумасшествия – не так уж и плохо. Я обнял Нэйру и решил, рассказать что-нибудь, что могло бы нас отвлечь. Какую-нибудь ерунду. Моя память обладала странной способностью: я мог забыть о чем-нибудь крайне важном, несмотря на все напоминания и крестики на руках, и в то же время прекрасно помнил, что в старом советском мультике про дядю Федора на стене городской квартиры висела репродукция картины Серова «Девочка с персиками». Почему какие-то такие факты я запоминал раз и навсегда, я понятия

не имел. Я кашлянул и вполголоса начал:

– Я читал где-то, не вспомню, правда, где, несколько похожую историю. Было не у нас, где-то за границей. В каких-то северных странах, типа Норвегии или Швеции, не помню точно, врать не буду. Суть в следующем: парень сидел дома один. Что-то там делал, это особо не уточнялось, но факт, что один. И в какой-то момент, значит, появляется у него в квартире странной наружности хмырь. Причем обладающий какими-то абсолютно невозможными способностями. Парень в шоке – кто это, откуда он взялся – непонятно же, вообще, ничего! Но как-то контакт надо налаживать. И вот в процессе налаживания контакта они к чертям разносят всю квартиру. В ноль практически. До того, чтобы стены ломать, конечно, не дошло, но внутри – как Мамай прошел. А парень достаточно молодой был и жил с предками еще. Те возвращаются, видят этот апокалипсис, сразу, понятно, к нему с вопросами, мол, что случилось. Он давай объяснять, про пришельца этого. А родители, кстати, лютые материалисты и во всю эту потустороннюю пургу верят очень с трудом. В общем, по итогу парню никто не верит, а этот чужак потом еще неоднократно приходил. Такая вот история...

– Скайльд, котик, – раздался голос Хана с пола, – А давай, мы в свободное от сна время почитаем историю про Карлсона самостоятельно? А то под твой бубнеж не уснуть!

Нэйра тут же ощутимо ткнула меня в бок.

– Тебе все шуточки! Ты, вообще, серьезным бываешь?

– Не, если серьезно, то я такого вот не встречал раньше. Даже в сказках или рассказах. Самое близкое, наверное... – я задумался, – Дивный народ, которые фэйри. Ну, и возможно, некоторые наши, сибирские, сказы. Там рассказывалось, что человек попадал в какую-то зачарованную страну. Это в случае, если забирали фэйри. Там гулял, пил, ел, веселился. А потом вдруг что-то делал не так и оказывался дома. Не прямо в доме у себя, а в знакомых лесах. Или в том месте, откуда его забирали.

– Это хотя бы понятно, забрали и забрали. Ясно, что другая страна, ясно, что это магические штуки какие-то. А тут? Сидели дома, сидели – бах! Не войти, не выйти. В окнах не отражаемся. Как вампиры, честное слово. Мне вот интересно, а если кто-то захочет в квартиру извне войти, что случиться? Он войдет? Или дверь будет навсегда заперта? А если выломать? То там мы сидим и водку пьем? Или что? Или нас, вообще, тут нет? Ничего не понятно!

– Не знаю, меня вот напрягает момент с отражением. Там же не просто нас нет, там совсем другая картинка транслируется. Как будто нас и не было. Столовые приборы по-другому расставлены, мебель. Зато кот отражается. Чем, скажите, кот лучше нас. Причем вот он дрыхнет, – я протянул руку и потрепал Румпельштильцхена, который уже успел принестись с кухни и упасть рядом со мной, по ушам. Кот поднял голову и, недовольно посмотрев на меня, устроился поудобней, – Почему я его могу трогать, гладить, и при всем

этом он в отражении присутствует? А вот Вечный, который ровно также дрыхнет, нет?

– Мне больше интересно, что сейчас вокруг нас. Может мы в каком-то другом измерении? Тогда почему все осталось, как было? Мы ведь, если бы не окна, вообще бы разницы не почувствовали бы. Странно.

– Да уж куда как странно, – Нэйра приподнялась на локте, – Дальше-то, что будем делать? Никаких предложений не будет?

– То есть наш митинг стихийно продолжается, – я сел на диване, – Кстати, если посмотреть на родные сибирские истории, то есть несколько отдаленно похожих случаев, когда человек, один или в компании с кем-нибудь, заходил в некую местность. Обычно это овраг, но я наталкивался, что просто в лес или в особую рощу, или шел какой-то заповедной дорогой. Так вот, шел этот человек по оврагу, все спокойно, ничего страшного, шел, думал, чего его все так бояться, почему слава об овраге, об этом такая ходит. И абсолютно без происшествий из него выходил. Иногда, правда, упоминалось, что видел мужик некую субстанцию зеленого цвета, вроде как туман. Но ничего страшного этот туман не делал, даже, если в него войти, просто был и все. И списывалось все, как правило, на испарения и прочую геологию. Так... Выходил, значит, мужик оттуда спокойно, с чистыми руками и холодной головой, как чекист. Доходил до первого же населенного пункта, и внезапно оказывалось, что с того мо-

мента, как он с той стороны в овраг этот вошел, прошло лет пятьдесят. А он не постарел ни на день. И все, что у него было – тоже новое, словно этих полста лет и не было. Вот такая вот загогулина...

Я посмотрел на Нэйру и Хана, не проронивших за мой рассказ ни слова. Они сидели, осмысливая услышанное и, видимо, примеряя описанную ситуацию на сегодняшние события. Румпель лениво приподнялся и, выгнув спину, сделал несколько шагов к выходу из комнаты. После чего вдруг громко мяукнул и одним прыжком взлетел на подоконник. В ту же секунду в кухне зажегся свет.

Нэйра тоненько взвизгнула и вцепилась мне в плечо.

Я почувствовал, что только-только успокоившееся сердце стремительно летит куда-то вниз, картинка перед глазами поехала в сторону, и я без сознания повалился на спину.

Очнулся я оттого, что кто-то немилосердно хлестал меня по щекам. Наугад отмахнувшись, я попробовал сесть. Судя по тому, как горело лицо, новоявленный медбрат старался на славу. Тут же раздался голос Вечного:

– Все, вроде живой. Больше крика было.

Разлепив, наконец-то, глаза, я увидел суетящегося рядом Хана, который весьма испуганно смотрел то на меня, то в коридор. Рядом соляным столбом стояла Нэйра, по ее щекам текли слезы, но она словно их и не замечала. Я вскочил и притянул ее к себе.

– Нэйр, да ты чего! Ну-ну, успокойся. Страшного ведь ни-

чего не случилось. Ну, срубил меня, тяжелый был день, что и говорить.

– Успокойся, Скайльд, – хохотнул Хан. – Это не из-за тебя. Просто свет этот...

Свет! Я совсем забыл про него. Нэйра нехотя отстранилась и провела рукой по моим волосам. Что-то прошептала. Я не разобрал, что именно, но решил не переспрашивать. Нэйра вытерла глаза и сказала:

– Так! У меня эта херня уже вот где сидит, – она провела ладонью по горлу, – Пошлите разберемся раз и навсегда!

Такой Нэйру я видел в первый раз. Судя по всему, остальные тоже. Вечный шагнул вперед, я, стараясь не отставать от него, аккуратно передвинул Нэйру себе за спину. Последним шел Хан, периодически поглядывая назад. «Классический отряд, – пронеслось у меня в голове, – Двое впереди, затем женщины и дети, затем замыкающий. Военный, мать их, действия в отдельной квартире. Мне вот интересно, каковы шансы того, что мы сейчас лежим в соседних палатах под капельницами, пускаем слюни на подбородки, а вокруг настоят врачи и родственники и вздыхают, мол, как жаль, ведь такие молодые. А, собственно, почему молодые? Вдруг нам уже по семьдесят, у нас дети и внуки, и мы на старости лет просто впали в старческий маразм. Вообще, шикарная ситуация!»

Мои размышления были прерваны тем прозаичным фактом, что коридор в квартире был отнюдь недлинным и кон-

чился очень быстро. Вечный заглянул в кухню. Я поспешил обойти его и самому посмотреть, что там происходит. Нэйра не захотела стоять в стороне и, чуть ли не расталкивая нас, стала продвигаться вперед. Один Хан, как самый ответственный, остался на месте и все так же отслеживал все, что происходит за нашими спинами. И это было очень правильно, потому что, увидев, что происходит на кухне, мы, вообще, перестали замечать, что происходит вокруг.

Свет на кухне был выключен. Мы абсолютно точно выключали его, когда уходили спать, и все именно так и осталось. Зато светилось окно. За окном была «немного другая» наша кухня, только сейчас в ней горел свет, который мы и заметили из комнаты. Но даже это было не самое главное. В отраженной кухне ходили люди. Незнакомые люди, в полицейской форме. «Не разулись, уроды!» – зачем-то отметил я про себя.

– Это что? – дрожащим голосом спросила Нэйра, и я понял, что нервы у нее на взводе. Я потянулся и включил свет. На полицейских это не произвело никакого впечатления. Один прошагал в коридор, второй пододвинул себе табуретку, сел. Положил фуражку на стол, потер виски пальцами, затем повернулся и что-то сказал, видимо, только что вышедшему коллеге. Мы стояли, заморожено глядя на разворачивающуюся перед нами картину. В законной кухне явно что-то происходило, только было абсолютно непонятно что именно и что с этим делать.

– Кхм, – Вечный прокашлялся, – И что бы это значило? То есть у нас теперь, вообще, кардинально разные картинки будут? Мне больше вот что интересно, то, что мы видим за окном, это на самом деле происходит, или мы просто смотрим на то, что нам показывают?

Мы переглянулись.

– Хрен его знает, на самом деле. Тут что-то утверждать точно, по-моему, в принципе гиблая затея. Мы и так ничего не понимали, а сейчас все как раньше, только еще непонятнее. Если смотреть шире – в целом, мало, что поменялось. Просто картинка за окном стала более разнообразная. Но ведь она и раньше отличалась, только не так кардинально. Но суть не изменилась – мы до сих пор не знаем, где мы и что с нами...

– Тихо, – Нэйра пробралась между нами, подошла к стеклу и, загородив, нам практически весь обзор, начала пристально что-то рассматривать. Мы притихли, лишь иногда пытаюсь разглядеть, что она там изучает. Однако из-за ее спины видно было очень плохо, а потеснить мы не решались. Спустя какое-то время, Нэйра сама повернулась к нам.

– Есть зеркало?

– Да, – засуетился я. Бросился в ванную, вытащил небольшое зеркальце и, вернувшись, протянул его Нэйре. Та, ничего не поясняя, взяла его и повернулась обратно к окну. Заинтригованные окончательно мы, по-моему, даже дышали через раз. Не поворачиваясь, Нэйра отложила зеркало, протя-

нула руку, нащупала лежащие на столе листок и ручку, сгребла это все и что-то застрочила. Мы терпеливо ждали.

Спустя какое-то время, Нэйра повернулась к нам и многозначительно взмахнула листом.

– В целом, я с трудом понимаю, что тут происходит, но вырисовывается совсем нестандартная ситуация. Какое у нас сегодня число?

– Двадцать первое вроде, – Вечный заглянул в телефон, – Ну, факт – двадцать первое число, все правильно помню.

– И хрен ты здесь угадал! Вот смотрите! Мент за окном вполне внятно только что написал на протоколе своем...

– Каком протоколе?, – влез я в разговор, – Чего еще вдруг за протокол? Кто-нибудь, вообще, понимает, что происходит.

– Дальше – больше, – пожал плечами Хан, беря у Нэйры листок и вглядываясь в написанное, – протокол составлен при осмотре квартиры пропавших без вести. То есть, потерянцы, это вы без вести пропавшие. И, судя по всему, вас и ищут.

– Ну, охренеть теперь!, – только и смог выдохнуть я. Как мы могли потеряться, если мы вот они сидим и из квартиры никуда не выходили. Да и выйти особо не можем, – Слушай, а что там с числом было? Ты начинал что-то говорить, вроде.

– Протокол составлен двадцать девятого числа, – металлическим голосом отчеканил Хан.

Мы ошарашено глядели друг на друга, абсолютно не пред-

ставляя, что сейчас делать.

– Это что получается, – Нэйра схватилась рукой за стол и, словно подрубленная, упала на табуретку, – Мы здесь несколько дней? А там, в нормальном мире, нас нет? Мама...

У нее перехватило дыхание. Мы стояли вокруг молча. Нэйра обвела нас глазами и вдруг как-то совсем неожиданно разрыдалась. Нет ничего более чудовищного, чем ощущение полной беспомощности, когда твоя девушка плачет. Когда у нее прям совсем беда, а ты стоишь, и пользы от тебя... А никакой от тебя пользы! Абсолютно ты бесполезное животное.

Не придумав ничего лучшего, я потянулся было погладить ее по голове, чтобы Нэйра хоть немного успокоилась, но она отмахнулась. Я присел рядом, приобнял ее, стараясь не обращать внимания на попытки вывернуться. Нэйра несколько раз дернулась, стараясь сбросить мои руки, потом повернулась ко мне, уткнулась в плечо и зарыдала в голос. Параллельно она пыталась что-то сказать, но разобрать хоть что-нибудь было нереально. Некоторое время мы так и сидели: мы с Нэйрой в обнимку около стола, Хан на подоконнике, Вечный стоял в дверях кухни. Он сделал небольшой шаг внутрь кухни и даже попытался что-то сказать в утешение, но Хан замахал на него руками, и Вечный благоразумно решил дождаться естественного окончания истерики. Но Нэйра, казалось, и не собиралась останавливаться – со слезами выплескивалось все напряжение последних суток, все непо-

нятные и пугающие события, переживания за родных, да и за себя, если уж быть предельно откровенными. Поэтому мы просто сидели на кухне под всхлипывания и прерывистое бормотание.

– Они сидели, пили чай и говорили о пустяках, а в это время рушились их судьбы, – проговорил я, глядя перед собой.

– Ну, раз уж разговор зашел про пили, – Вечный подхватил бутылку, – Предлагаю это и сделать!

Нэйра медленно повернулась, готовясь высказать все, что она думает по поводу выпить, судьбах и нас-идиотов. Буря была готова уже вот-вот грянуть над нашими головами, как вдруг из коридора раздался спокойный голос:

– Отчего бы и не выпить, в самом деле. Только позвольте предложить вам альтернативу вашей, вне всякого сомнения, замечательной водке.

Раздайся в кухне выстрел – реакция не была бы столь стремительной. Нэйра резко развернулась лицом к входу, сжимая кулаки. Хан в одно мгновение слетел с подоконника, еще в прыжке поворачиваясь боком к двери и стараясь принять защитную стойку. Я поднялся с табуретки, закрывая собой Нэйру, а бутылка водки в руке Вечного невзначай перевернулась горлышком в ладонь. Причем Вечный тут же убрал руку чуть за спину, стараясь не показывать, что в руке что-то есть.

Мы все посмотрели на говорящего.

Им оказался довольно высокий молодой человек. На вид

лет тридцать пять, может, чуть больше. Очень бледную кожу оттеняли иссиня-черные волосы. Костюм-тройка темно-синего цвета, из кармашка жилета небрежно выползает цепочка белого металла. В руках еще один непрошенный гость держал какой-то сверток.

– Вы позволите? – фраза прозвучало не как банальная вежливость, незнакомец, на самом деле, ждал разрешения войти на кухню.

– У меня складывается впечатление, – начал я, решив, что удивляться очередному «внезапному визиту» просто глупо, – Что мы живем на кухне. Есть вот кухня – это наша территория, туда никто не заходит, никто не вламывается с предложениями побыть хирургом или спарринг-партнером. Да что там – туда даже, хо-хо, спрашивают разрешения войти. А остальная квартира – это улица. По которой можно расхаживать, как заблагорассудится. Вы спрашиваете, позволим ли мы войти? Валяйте! Что изменится? Вы уйдете? Не поздновато ли?, – я почти кричал, не обращая внимания на одергивания со стороны Нэйры, – У меня внезапно прозрение! Я думаю, что вы как-то связаны со всей этой херней, которая происходит с нами за последние сутки. Объяснить логическую цепочку? Вы знаете, я прожил тридцать лет! Тридцать, мать их, лет! И за все это время не видел ни одного человека, который умел бы появляться из ниоткуда. Как-то не довелось вот! А тут раз, два, три! Вы естественно, как на свет ползете! Что на этот раз? Старый волшеб-

ник нацарапал магический знак на двери? Наши собираются? С вами выводок гномов? Предлагаю сразу на орлах рвануть – сэкономим время и нервы! Дурдом какой-то! Причем не со мной во главе! Я себе больше похож на случайного прохожего, которого по ошибке спеленали санитары. Я ни хрена не понимаю, вокруг меня постоянно случается непонятная ерунда, и знаете, что самое главное? Не знаете вы ни хера! Самое главное – что мне это вообще не нравится! Абсолютно! Презираю я это все всей душой своей мелочной! Я понятно говорю? А то вдруг там надо, не знаю, перепоказать? Так вы обращайтесь! Можно даже без очереди...

На этом моменте дыхание у меня кончилась и я, тяжело дыша, замолчал, с ненавистью глядя на незнакомца. Нэйра, Хан и Вечный удивленно смотрели на меня – я обычно был не склонен к таким агрессивным выходкам.

Незванный гость же совсем не смутился:

– О, я вас прекрасно понимаю. И, поверьте, полностью разделяю ваше негодование. Но позвольте мне все же высказаться, и, возможно, какая-то часть изложенного мной покажется вам достойной вашего внимания.

Все мое «негодование» разбилось об эту вычурно-вежливую речь, как стакан, брошенный в стену.

– Проходите, – промямлил я, отодвигаясь в сторону, но все равно стараясь оказаться между входящим и Нэйрой.

– Покорнейше благодарю, – разулыбался незнакомец, – Позвольте, как этого требуют приличия, представиться. Зо-

вут меня Дмитрий Иванович...

В воздухе повисла пауза, приглашающая нас последовать примеру Дмитрия Ивановича.

– Дмитрий, – протянул руку Вечный.

– О! Тезки! Просто великолепно! – гость, казалось, был просто счастлив, что среди нас нашелся человек с таким же именем, как и у него. Он пожал протянутую руку и, кажется, даже подмигнул Вечному. Тот, однако, сильно не расслабился и бутылки из руки не выпустил. Дмитрий Иванович повернулся к Хану.

– Геннадий, – негромко сказал Хан, руки, тем не менее, не протягивая. Пришельца это не смутило нисколько. Он сам шагнул вперед, подхватил двумя ладонями руку Хана и долго тряс ее, параллельно вещая о том, что он безумно рад знакомству. Кое-как вырвавшись, Хан отступил в угол, стараясь привлечь как можно меньше внимания.

– Юрий, – буркнул я, все еще стараясь прийти в свое обычное состояние, – Но предпочитаю, когда меня называют Скайльд. И именно через «и» краткое и мягкий знак. А девушку зовут Елена.

Нэйра приподнялась, чуть склонив голову. Дмитрий Иванович подхватил ее руку и припал к ней губами. Я почувствовал, что возвращение спокойного и адекватного состояния откладывается на неопределенный срок. Вечный мгновенно оценил ситуацию и не преминул вмешаться:

– Вы, кажется, хотели что-то обсудить? И выпить? Добро,

так сказать, пожаловать, – он пригласительно махнул рукой в сторону стола, – Чем богаты...

После этих слов Вечный поставил бутылку водки на стол и пододвинул Дмитрию Ивановичу табурет. Хан отодвинул стол от окна и уселся на свое место. Нэйра пунцовая то ли от недавних рыданий, то ли от поступка странного господина ушла в ванну, как она выразилась «привести внешний вид в человеческий». Я присел на подоконник. Я всегда там сидел, если на кухне собиралось больше четырех человек. И пока Хан с Вечным доставали стаканы и стопки, принялся более внимательно рассматривать визитера. На вид ему было, как я уже отметил, около тридцати пяти лет. Прическа несколько странная, но, учитывая, как сейчас ходит народ – вполне приличная, даже консервативная. Больше всего, конечно, смущал его наряд. В костюмах-тройках сейчас ходят разве что университетские профессора. Да и то, наверное, только те из них, кто поддерживал Колчака, причем знал последнего лично. Этот же чувствовал себя в костюме так, будто с рождения другой одежды и не знал. Тонкие длинные пальцы Дмитрия Ивановича словно жили собственной жизнью, то подхватывая цепочку и перебирая ее звенья, то стряхивая с пиджака невидимую пылинку, то просто отстукивая неизвестный ритм на ближайшей к ним поверхности. На левой руке, на тыльной стороне ладони, красовалась черная татуировка, изображающая голову змеи. Больше ничего особенного я, как ни старался, заметить не смог.

Дмитрий Иванович, принимая предложение Вечного, шагнул к столу.

– Вы знаете, я совершенно случайно захватил с собой бутылочку коньяка (при словах «совершенно случайно» Хан иронично повел бровью, как бы отмечая, насколько смешно звучит эта фраза в свете последних событий). Прошу вас, Дмитрий, не могли бы вы наполнить наши бокалы?

С этими словами гость развернул сверток и извлек из него бутылку. Вечный аккуратно взял ее и повернул к себе этикеткой. На его лице отразилось удивление, изрядно сдобренное восторгом.

– Коньяк Леро Гранд Шампань, – вполголоса проговорил он, – Тысяча девятисотого года выпуска.

– И что мы должны по этому поводу предпринять? – буркнул я. – Найти шоколадку тех же годов?

Дмитрий Иванович рассмеялся. Вечный посмотрел на меня, как на большевика, грабящего его родовое поместье.

– Знаешь, Скайльд, я прекрасно помню, как ты коньяки ценишь и знаешь, поэтому сразу тебе говорю, если ты его опрокинешь как водку – мы с тобой враги!

Пока он трясущимися руками откупоривал бутылку, я наклонился к Нэйре, которая уже успела вернуться, умытая и вроде как успокоившаяся.

– Чего он занервничал так? Пафосная марка?

– Наверное, – Нэйра пожала плечами, – Ты же знаешь, я коньяк не особо, поэтому и не разбираюсь в тонкостях.

Последнюю фразу Вечный услышал, и Нэйра получила такой же взгляд, как и я. Я тут же дал себе зарок опрокинуть стакан залпом и запить этот коньяк колой.

Наконец-то, стаканы были наполнены и выпиты. Дмитрий Иванович достал портсигар, извлек из него папироску и, поинтересовавшись, не против ли мы, закурил. Кухня наполнилась странным, абсолютно незнакомым ароматом, терпким, но на удивление, не вызывающим раздражения.

– Итак... – не выдержал я.

– Итак, – подхватил Дмитрий Иванович. Он сделал паузу, снова потрогал цепочку, затянулся и продолжил, – Итак, я хотел бы поговорить с вами о ситуации, в которой вы оказались. Сразу хотел бы сказать – ситуация весьма щекотливая. Случайно, я особенно бы хотел это подчеркнуть, абсолютно случайно один из членов нашей... хм..., – он замаялся, подыскивая слово, – нашей организации оказался вчера у вас в доме. Это не должно было стать особой проблемой, но, тем не менее, стало. Причем проблемой стало не само посещение, хотя и это уже вопиющая недоработка с нашей стороны, а его последствия. А последствия его весьма запутаны и непредсказуемы...

– Минутку, – перебил его я, – Меня вот сильно интересует вопрос, а какой из вчерашних товарищей был от вашей организации? У нас тут, вы не поверите, вчера некоторый час пик был.

– Интересно! – Дмитрий Иванович даже привстал. – Вы

не могли бы рассказать подробнее обо всех вчерашних визитах?

Я вкратце пересказал все, что со мной произошло. Дмитрий Иванович слушал очень внимательно, пару раз даже задал уточняющие вопросы. Когда я дошел до того момента, как... хм... чересчур усердно допрашивал связанного, мне стало несколько неловко – ну, в самом деле, вдруг я любимого родственника отметелил. Но собеседник не показал и тени гнева, напротив, улыбнулся и успокаивающим жестом пригласил продолжать, не упуская деталей. Я пересказал, стараюсь ничего не упустить. Но, тем не менее, когда дошел до той самой игральной карты – джокера – почему-то не стал говорить, что она у меня. Не знаю, почему, просто не стал и все. Как говорится «не стал выкладывать все карты на стол».

Когда я закончил, Дмитрий Иванович надолго задумался. Взгляд его стал отвлеченным, сразу стало понятно, что человек крепко задумался о своем. Он несколько раз порывался встать, но, судя по всему, одумывался и опускался обратно на табурет. Мы сидели молча, попивая коньяк, поглядывая на друга и наблюдая за гостем. Наконец, тот посмотрел на нас.

– Очень интересно, Ю... Простите, Скайльд. Очень. Я даже не думал, что дело обстоит именно так. Все, что вы рассказали, представляет собой немалую ценность. Ситуация несколько... хм... изменилась. И посему у меня к вам вопрос. Не только к вам, Скайльд, но ко всем здесь присутству-

ющим. Геннадий, Дмитрий, Елена (Дмитрий Иванович почитательно поклонился Нэйре). Возможно, моя просьба покажется вам несколько неуместной или попросту опасной и авантюрной. Но не спешите так сразу ее отвергать. Я прошу вас выполнить для меня одно, ну, скажем, поручение. Несмотря на кажущуюся внешнюю опасность, на самом деле, в моем предложении нет практически ничего, чего бы стоило опасаться. Взамен я готов помочь вам выпутаться из той ситуации, в которой вы оказались. Тысяча извинений, но у меня сложилось впечатление, что сами вы вряд ли сможете найти выход.

– А все эти пропущенные дни, они вернутся обратно? – Нэйра вопросительно смотрела на Дмитрия Ивановича.

Тот опустил взгляд.

– Увы. Вернуть прошедшее время мне не под силам. Даже когда оно непредсказуемо, как здесь, и извивается садовым плющом. Как бы оно не перекручивалось, оно все равно линейно, и я попросту не могу им командовать по своему разумению и желанию. Но тем не менее, я могу вывести вас отсюда и привести ваш дом в изначальное состояние. Вполне пригодное для существования.

Нэйра сникла. Она очень переживала за родителей, прекрасно понимая, что сейчас с ними творится – дочь пропала непонятно куда. Я подумал, что она даже не так сильно волнуется из-за того, что с нами происходит, как за их состояние. И, наверное, это был правильный подход – мы, по край-

ней мере, знаем, что мы все живые.

Я покрутил головой, щелкнув шейными позвонками.

– Простите, Дмитрий Иванович, вы сказали «вывести вас отсюда». Отсюда, это откуда? И как мы, вообще, здесь оказались? И, если можно, то хотелось бы поподробнее, а то у нас тут последнее время «все смешалось в доме Облонских».

– О! Толстой! – гость посмотрел на меня с явно выросшим уважением, – мне очень нравится это его произведение! Не сочтите за грубость, но я почему-то не думал, что вы ценитель творчества Льва Николаевича!

– Давайте все же перейдем к сути вопроса, – сказал я, стараясь передать голосом, что сейчас не время отвлекаться на литературу, – После я готов с вами обсудить схожесть моих и ваших литературных пристрастий.

Дмитрий Иванович кивнул и полез за портсигаром. Я мысленно выдохнул. То, что эта фраза принадлежала Толстому, я узнал только что. Произведение, в котором она была употреблена, не знал до сих пор.

– Согласен. Интеллектуальные беседы вполне могут и подождать. Так вот, как я уже говорил, мне требуется, чтобы вы выполнили некое мое поручение. Я более чем уверен, что никакой опасности вы подвергаться не будете. *Un peu d'aventure*, так сказать. Взамен, я помогу вам снова вернуться в привычный для вас мир. К сожалению, я не смогу вернуть вам проведенное здесь время, даже не смогу повлиять на последствия вашего исчезновения, но вы все равно смо-

жете увидеться со своими близкими, успокоить их, сказать, что все уже кончилось, вы вернулись, и с вами все в порядке. Они же, наверняка, с ума сходят...

«Вот сволочь, – подумал я, – Знает, куда бить. Вон у Ленки уже снова слезы на глаза наворачиваются. Но какая-то весьма странная ситуация. На кой мы ему, вообще, сдались? Судя по тому, что он умеет, у него таких, как мы – тринадцать на дюжину. В собственную уникальность и исключительность я перестал верить еще в школе. Из каких-то суперспособностей – только виртуозное выведение собеседника из себя. Подстава какая-то. С другой стороны, смысл нас подставлять? Мы внебрачные дети президента что ли? Все четверо, ну. Все страньше и страньше. Но выбор-то невелик. Как бы он тут соловьем не разливался, он уже прекрасно знает, что мы согласимся, более того, знает, что мы это знаем. Можно было бы изначально обойтись без этого спектакля. Хотя вон коньяк притащил. Вечный, по-моему, втихаря себе третий раз в стакан плещет. Утонченный, блин, алкоголик-ценитель. Так, вернемся к нашим баранам. То есть к нам. Выбора нет, это я уже говорил. Делать что-то в любом случае надо, это и так понятно. Все, что мы можем сделать – согласиться на непонятно еще какое предложение товарища. Надо, кстати, уточнить все-таки, что делать-то. А то уже почти согласились, а на что непонятно. Круто. Удивительно. Что мы с таким подходом каждый по две ипотеки не выплачивает. Ладно, чего уж тут...»

Я протянул Вечному стакан, подождал, пока тот плеснет туда коньяка (налитая жидкость кое-как прикрыла дно стакана, и я окончательно решил высказать этому «разливающему» все, что я думаю по поводу его явно еврейских корней). Я откинулся на оконное стекло, залпом опрокинул стакан и посмотрел на Дмитрия Ивановича. Тот, слегка щурясь, глядел на меня.

– Хорошо, Дмитрий Иванович, хотелось бы услышать, что именно вы от нас хотите. Тогда можно будет это обдумать и принять решение.

– Справедливо. Ну, тогда, милостивые государи, перейдем сразу к делу. Я хочу, чтобы вы спустились для меня в ад.

– Твою мать, – выдохнула Нэйра и с размаху бросила стакан в раковину. Звякнули осколки. Мы смотрели друг на друга, не понимая, как воспринимать услышанное. То ли это какая-то метафора, и место, куда нам предлагают проследовать просто очень неприятное, то ли – а я уже был готов к любому повороту событий – нам действительно предлагалось прогуляться в преисподнюю. Ни один из вариантов не укладывался в «некое поручение». И я, если честно, вполне бы обошелся и без выполнения прихотей непонятного человека. А уж когда меня это делать заставляют. А тут, как ни крути, чистой воды принуждение. Дмитрий Иванович, разумеется, ни разу не сказал, что это приказ, который нам надо идти и выполнять. Но всячески намекнул, что поможет нам,

если мы поможем. А если не поможем, то, значит, пропадите вы пропадом и выпутывайтесь сами. Я кашлянул.

– Скажите, Дмитрий Иванович, а с каких пор путешествие к чертям у нас начало приравняться к небольшому одолжению. Или мы вдруг стали свидетелями «легкого преувеличения»?

Все остальные закивали, соглашаясь. Все, кроме Нэйры, которая демонстративно отодвинула принесенную Дмитрием Ивановичем бутылку, плеснув себе вместо этого водки и залпом выпив. После чего она отвернулась и принялась пристально рассматривать отражение в кухонном окне.

Дмитрий Иванович всплеснул руками.

– Да что вы! Я просто не так выразился. Простите, привычка. Ну, какой, в самом деле, ад! Да боже упаси. А я-то даже не заметил, как вырвалось, сижу, удивляюсь, что так тихо вдруг стало. Нет-нет-нет, даже не переживайте. Ни в какое такое место я бы вас никогда не отправил.

– Откуда вдруг взялось такое название? И, кстати, что это вообще такое? – Хан внимательно слушал объяснения незваного гостя. Он, казалось, был единственным, кто не удивился появлению незнакомца, и сейчас сидел тщательно анализируя все, что тот говорит.

– Что это? Хм..., – Дмитрий Иванович сделал паузу, словно подбирая слова, – Так скажем, это одно из подземных помещений в центре города. Как раз под часовней. Знаете, на ДOME Ленина – при этих словах он едва заметно по-

морщился – есть часовня. Говорят, там еще географический центр России...

– Почему это говорят, – перебил его Вечный, – Так и есть ведь!

– Ох, право слово, мало кто знает, где именно находится этот центр. Здесь в Новосибирске уже шестой, про который мне рассказывают. Что примечательно остальные пять отходят от этого на несколько сотен километров. В масштабах России, конечно, мелочь, но, согласитесь, разброс очень велик. Кто может утверждать доподлинно? С рулеткой ведь никто не ходил, все взято из карт, причем карт составленных достаточно давно. А потом просто подновляемых и переписываемых. Кто знает, возможно, мировая карта существенно отличается от того, что показывают школярам.

Вечный склонился над столом и тихим шепотом произнес:

– Вот сейчас нам еще расскажут, что татаро-монгольского иго – это армия объединенных славянских племен, а первыми людьми были протоукры.

Хан хмыкнул и достал сигарету. Дмитрий Иванович внимательно посмотрел на нас.

– В целом, я хотел сказать, милостивые судари, что все в мире относительно. И то, что я упомянул про ад, никоим образом не значит, что вам придется отправиться в геенну огненную. Считайте это просто устоявшимся выражением. Более того, я приношу свои извинения за то, что своим

неуместным слэнгом заставил вас так волноваться.

– Допустим, я подчеркиваю – допустим, мы примем ваше предложение, – Хан сделал пару глубоких затяжек, – Очень хотелось бы услышать, что именно мы можем для вас сделать. Причем такого, что сами вы сделать не можете – иначе не пришли бы сюда, хм..., сквозь стену, чтобы предлагать нам сделку.

– Наконец-то, начинается конструктивный разговор, – Дмитрий Иванович обрадовано потер руки, – Понимаете, нужно просто передать одному человеку мое послание. Сам я, в силу некоторых наших с ним недопониманий, сделать этого не могу. Мне нужен кто-то, кто смог бы с ним поговорить и донести до него мои соображения по одному очень интересующему нас обоих вопросу...

– Минуточку, – сварливо перебил я говорящего, – Все вроде бы понятно, кроме момента, что непонятно ничего. Хорошо: вы в ссоре, надо передать послание – это ясно. Но есть же телефон, скайп, не знаю, в яндексе вас забанили что ли? Миллион способов есть связаться с человеком, не видя его лично. Я так предпочитаю больше чем с половиной своих товарищей общаться!

– Я бы с удовольствием воспользовался любым из перечисленных вами, Скайльд, методов, но, к сожалению, у этого человека есть весьма определенные – и весьма неудобные – принципы. Он признает только живое общение, максимум – через посланников. К тому же он изрядный ретроград. Аб-

солютно не признает электронные виды связи. Письма, которые он будет читать, должны быть непременно написаны на бумаге. Отсюда все эти сложности.

– Хорошо, – не сдавался я, – А почему мы? Насколько я смог увидеть – при ваших способностях не должно быть недостатка в людях. Да что там недостатка, они должны в очереди стоять, ожидая, кого вы выберете для поручения.

– И тут все не так уж просто. Я, видите ли, и в самом деле, обладаю некоторыми способностями, которые могут показаться обычному человеку чудесами и волшебством...

– В ж... ..сунь эти чудеса, – неразборчиво пробормотала Нэйра. Я укоризненно посмотрел на нее. Нэйра отвернулась, сделав вид, что ничего не было. Дмитрий Иванович продолжал:

– Однако, по природе своей я человек малообщительный. Меня больше привлекает созерцание, нежели непосредственное участие в чем бы то ни было. Поэтому у меня не то, что последователей, просто даже знакомых крайне мало. И в такие моменты, как нынешний я сталкиваюсь с определенными проблемами.

– Но о нас же вы как-то узнали? Мы-то каким боком ко всему этому причастны?

– Не все вы, – улыбнулся Дмитрий Иванович, – только Скайльд.

Сказать, что я был ошеломлен, это не сказать ничего. Я

прокрутил в голове все последние события и пришел к выводу, что у меня вроде бы тоже была исключительно «созерцательная» роль.

– А... М... А почему я-то? – у меня даже язык начал заплетаться от волнения.

– Все просто, – улыбнулся Дмитрий Иванович, – Вы единственный из всей вашей компании, кто видел человека, которому нужно передать мое послание. Это был тот самый человек, который первым появился в вашей квартире.

Мысли полетели кувырком. Как я не пытался связать пережитое и только что услышанное в кучу – ничего не получалось. Напротив, появилось чувство, что я сел играть в какую-то жутко сложную карточную игру – вроде бы вот карты, вот стол, вот противники, но ты совершенно не знаешь правил и даже представления не имеешь, как играть. А вокруг тебя кипят нешуточные страсти, кто-то сдает, кто-то повышает, ставки растут. Ты же заглядываешь в свои карты и даже понятия не имеешь, хорошая у тебя на руках комбинация или нет.

– Ну-ну, поверьте мне, все совсем не так уж трагично. На самом деле, ситуация взаимовыгодна: вы помогаете мне, я помогаю вам, мы расходимся и больше никогда не видим друг друга. Я, разумеется, не могу вернуть вам прошедшего времени, но я в состоянии максимально поправить последствия...

– Вот с этого момента я попрошу поподробней, – Нэйра

резко повернулась к Дмитрию Ивановичу, – мне, вы знаете, очень не понравилось то, что было написано в этом дурацком протоколе. Давайте уже поговорим об этом. Как так вдруг получилось, что мы проторчали здесь больше недели? Хотя по всем часам прошло меньше суток! Вы хоть представляете, что сейчас творится с моими родителями? Волшебники, мать вашу! Максимально исправить последствия? Отлично! Давайте вот прямо сейчас начнем! Что там у вас еще припасено? Все вместе идем к моим родителям и пытаемся рассказать им байку про временные петли? Про неработающее отражение в стекле? Или, может, есть какое-то рациональное объяснение?

– Елена, одну секунду, – на удивление спокойно и даже жестко проговорил Дмитрий Иванович, – давайте успокоимся и все обсудим. Видите ли, вы, вообще, не должны были заметить ничего из ряда вон выходящего. Знаете, есть такая русская поговорка: «Лес рубят – щепки летят». С прискорбием хочу вам сообщить, что вы как раз эти самые щепки и есть. По какой-то странной случайности именно в вашу квартиру попала интересующая меня особа. Видите ли, Юрий был отчасти прав – я бы мог, если бы захотел, найти и других помощников, которые, скорее всего, прекрасно бы справились с моим поручением. Но, как оказалось, Юрий успел с этой персоной поговорить и даже оказать кое-какую помощь. Возможно, это ничего не значит. Возможно, тот, кто меня интересуется уже и не помнит этого инцидента.

Но! Существует вероятность – пусть и незначительная – что он помнит эту небольшую услугу. Тогда шансы на успешное выполнение моего поручения вырастают. А именно это мне и надо.

Дмитрий Иванович прервался, разливая по уцелевшим стаканам остатки коньяка. Пока мы тянулись к посуде, он удивительно ловко извлек еще одну папиросу и закурил. Выпустив тонкую струйку дыма, Дмитрий Иванович продолжал:

– Я уже говорил, что не могу вернуть время, которое вы провели здесь. Больше того, я вам скажу, что не знаю, может ли вообще хоть кто-нибудь это сделать. Считайте это свершившимся фактом, от которого никуда нельзя деться. Но, как я уже говорил, есть некоторые возможности исправить последствия вашего отсутствия в реальном мире. Можно удалить заведенное уголовное дело о пропаже, провести беседу, внушение, так сказать. Все эти дни можно свести просто в некоторый отдых, когда вас не было. Мы уже занимались такими вещами, поэтому особо сложного тут ничего нет. Даже ваши родные очень и очень скоро перестанут вспоминать этот инцидент. Хотя вот с родными будет сложнее, чем со всеми остальными – слишком велика эмоциональная привязка...

Я не удержался и перебил:

– Отсутствие в реальном мире? Это мы сейчас что – где-то в параллельном измерении? Как-то все, вы уж не поймите

превратно, обыденно что ли. Ну, я, как человек, воспитанный фильмами загнивающего запада, ждал, не знаю там, каких-нибудь светящихся коридоров, жизни, пробегающей перед глазами. Что там еще бывает? Других созвездий в небе, — я покосился в сторону окна, — я правда и в наших обычных не разбираюсь, но все равно. Вот, где мы сейчас, это, вообще, что? И как мы тут тогда оказались?

Дмитрий Иванович задумался. Ничего не говоря, он закурил и так же молча прикончил папиросу до конца. Мы терпеливо ждали. Наконец, Дмитрий Иванович резким движением потушил окурочок в пепельницу и повернулся к нам.

— По правде, я и сам до конца не знаю, что это и где именно мы сейчас находимся. То, что я говорил «реальный мир» мало что значит. Просто надо же как-то было называть привычную всем реальность. Просто существуют некие люди, назовем их так, способные делать небольшие отнорки или ответвления в привычной нам реальности. В реальном мире. Открывая переходы из Мидгарда (я удивленно поднял бровь. Очень странно было слышать от Дмитрия Ивановича скандинавскую терминологию) они могут путешествовать по другим... Назовем их — другими измерениями. Либо они могут отрезать часть реальности. Просто так сказать «вдавливает» часть реальности в пласты измерений. Прохода не открывается, но часть мира оказывается изолированной. В данном случае, это ваша квартира. Вы же пробовали выйти отсюда?

Мы хором закивали. Даже Нэйра сбросила свой нарочито безразличный вид и слушала с интересом, поставив локти на стол и подавшись вперед.

– Конечно, пытались. Это нормальная первая реакция. Все сначала пытаются найти выход из отнорка. Что только не делают! Разбить окно, выломать дверь – это даже не банально, это уже просто как по учебнику. Затем те, кто полагается больше на силу, чем на мозги, пытаются разобрать стену. Те, кто все-таки на мозг – использовать канализацию, вентиляцию или любую другую коммуникацию с внешним миром. Стоит ли говорить, что ничего из этого не выходит. Отнорок плотно закупоривается, и выйти из него привычным способом невозможно. Однако если такое ответвление создавалось и закрывалось впопыхах, то остаются некоторые неточности и погрешности. Как, например, в вашем случае. Все делалось на скорую руку, поэтому вы так отчетливо видите в окнах и зеркалах отражение реального мира. На месте вашей квартиры сейчас не зияет черная дыра. Квартира также стоит на месте, просто вас там уже нет. И нигде в привычном мире вас не найти.

– А время? – подала голос Нэйра. Она внимательно слушала Дмитрия Ивановича, вертя в пальцах ручку. При чем весьма и весьма ловко вертя.

– Временной вопрос тут не изучен до конца, – мужчина сделал маленький аккуратный глоток из своего стакана и осторожно, без единого звука, поставил его обратно

на стол. — Время в таком отнорке может скакать, как угодно. Редко, крайне редко, оно синхронно с настоящим. Обычно оно либо сильно уходит вперед, либо отстает. Вам, право слово, еще сильно повезло, что вы так разошлись так ненадолго. Тем не менее, это все равно шок. Практически для любого человека. И, несмотря на это, вы восприняли происходящее с почти что ледяным спокойствием. Мы какое-то время не могли понять, почему. Предлагались всевозможные варианты. Кстати, теория, что вы не люди, а только притворяетесь ими, тоже имела место быть. И, поверьте, это был не самый безумный вариант.

– Кхм, – перебил говорящего Хан, – А тогда вот еще вопрос – я так понимаю, что вы слегка покривили душой, рассказывая про летящие щепки и наше нечаянное участие. Иначе за нами мало бы кто наблюдал так пристально. Давайте совсем на чистоту – зачем мы вам нужны и кто вы такие.

Дмитрий Иванович бросил на Хана быстрый, внимательный, словно оценивающий, взгляд. Потом широко улыбнулся.

– Боюсь, возникло некоторое недопонимание. Когда я говорил, что мы абсолютно не учитывали вас, как запланированных участников событий – мы даже и не думали за вами наблюдать. Однако, когда вы все-таки этими участниками стали, да еще показав себя не с самой обычной стороны, мы просто не могли поступить иначе. Сейчас ведется слишком крупная игра, слишком многое стоит на кону, чтобы можно

было игнорировать даже такие, казалось бы, незначительные детали.

– А еще вопрос, – в этот раз в разговор влез Вечный, – А, например, не повели бы мы себя как-то необычно? Сидели бы просто, истерили бы понемногу. Разбирали бы коммуникации...

– Ты, – хмыкнул Хан, – ломал бы стену. И, боюсь, не справился бы даже с обоями.

– Нет, а все-таки, – не дал себя отвлечь Вечный, – Что было бы тогда.

– Меня бы здесь не было, – довольно равнодушно пожал плечами Дмитрий Иванович.

Мне вдруг показалось, что температура в кухне опустилась градусов на тридцать.

Нэйра встала и начала складывать посуду со стола в раковину. Я, было, поинтересовался, зачем, но на меня просто махнули рукой, мол, не лезь. Остальные молча сидели, глядя по сторонам. Я начал разглядывать висящие на стене кухонные полки. По старой, наверное, еще советской традиции, сверху все было заставлено какими-то банками, упаковками, непонятными кухонными приспособлениями – в общем, всем тем, что никогда не пригодится, но и выбросить ни у одной хозяйки рука не поднимется. Вспомнил, как, слыша по ночам на кухне какие-то стуки и шорохи, шутили, что это домовые, и надо пойти уже достать им какой-нибудь

еды, а то разнесут всю кухню. В глубине души верили, что «что-то такое есть», но это казалось таким далеким и нереальным, что большинство времени ни о каком потустороннем даже не задумывались. Это так и оставалось непонятными звуками из пустых комнат, долгими разговорами при приглушенном свете да шутками над объявлениями «сниму порчу по фотографии». Тем страшнее было каждому даже не прикоснуться к этому миру, а, судя по всему, попасть прямо в его середину. И пытаться как-то оттуда выбраться. Словно запихать в рот полную ложку с горячей похлебкой и теперь, обжигаясь, стараться это все проглотить, утирая выступившие от боли слезы.

Нэйра тем временем убрала на полку последний вымытый стакан и повернулась к столу. Все остальные, словно по команде, подвинулись ближе.

– Господа, – Дмитрий Иванович встал, – предлагаю покончить со всем, как можно быстрее. Если, конечно же, ни у кого нет возражений.

Возражений не было. Дмитрий Иванович, внезапно засуетившись, начал хлопывать себя по карманам, попутно доставая и выкладывая на стол всякую мелочевку.

– Минуточку, минуточку, – приговаривал он. Наконец, он выхватил небольшой бутылек, напоминающий один из тех, в которых в аптеках продается йод или зеленка.

– Вот оно! Мне придется проделать перед выходом небольшую процедуру, поскольку дело весьма ответствен-

ное, а мне бы хотелось сделать ваш поход максимально безопасным.

– Вечер перестает быть томным, – хмыкнул Хан, – Только что нас ждало абсолютно нестрашное действие, а теперь «максимально обезопасить». Все меняется на глазах. Непосредственно перед стартом нам раздадут бронежилеты и автоматы?

– Геннадий, – нехорошо прищурился Дмитрий Иванович, – Вы несколько преувеличиваете масштаб моих действий. Представьте, что вы собираетесь в магазин в феврале. Вы можете пойти в шортах и майке, а можете надеть пальто или пуховик. Поход не перестанет быть безопасным, но смею вас уверить, как врач, – последствия от второго варианта будут плачевными.

Хан скептически выгнул бровь, но замолчал. Выйти мы еще не вышли, поэтому выпендриваться было бы крайне глупо.

Дмитрий Иванович открыл пузырек, извлек из кучки, лежащей перед ним на столе, ватную палочку с достаточно грязной головкой и поинтересовался:

– Ну, что давайте приступим. Кто будет первым.

Вечный недоверчиво покосился на жидкость в бутылке:

– Я вот про пуховик-то понял. А можно хотя бы в двух словах – что вот это вот такое?

– Если объяснять досконально, то, боюсь, получится длинно и неинтересно. А если, как вы выразились «в двух

словах», то это травяной настой. Я нанесу им небольшой рисунок каждому из вас на запястье. Это поможет, если кто-нибудь из тех, кого вы можете встретить, попробует снова запихать вас в отнорок реальности. В такой, в каком вы находитесь сейчас.

Это было более чем убедительно, поэтому мы без раздумий положили руки на стол. Жидкость оказалась коричневатого цвета, пахла какими-то растениями и, в общем, вполне подпадала под описание. Дмитрий Иванович несколькими небрежными мазками отметил руку Вечного, затем Хана. Обмакнув в настой самодельную кисточку еще раз, он изобразил какую-то загогулину у меня на руке. Зато у Нэйры рисунок оказался внезапно большим. Наши отметки были размером с пятирублевую монету, ей же Дмитрий Иванович расписал всю руку непонятными символами практически до локтевого сгиба. В ответ на молчаливый вопрос он пояснил, что Нэйра – девушка, поэтому тут требуется слегка другой подход. Ну, то есть можно, конечно, обойтись стандартными средствами, но надежней будет так. Ничего не понимая, мы с умным видом покивали, соглашаясь.

– А теперь, – Дмитрий Иванович одним движением сгреб все со стола и в пару практически незаметных глазом движений попрятал обратно по карманам. – Прошу! Внизу нас ждет машина – доедем с ветерком. Водитель просто виртуоз! Эх, я Ивана даже в Страсбург с собой брал! Не человек – ракета. С ним любой автомобиль начинает мчаться, как го-

ночный болид.

– Красные машины ездят быстрее, – хмыкнул Вечный. – Господа, мир Вархаммера ближе, чем мы думали.

Махнув рукой, приглашая нас следовать за ним, Дмитрий Иванович вышел в коридор и без малейшего усилия распахнул входную дверь. Мы вскочили, увидев, что, наконец-то, появился выход из квартиры. И в этот момент накатило.

Обычно так бывает, когда много выпиваешь, причем смешивая различные напитки, не задумываясь о последствиях. Вот, кажется, ты вроде нормально сидишь, разговариваешь, как вдруг раз! Голова идет кругом, мысли путаются, язык начинает цепляться за все тридцать два зуба одновременно. У нас в компании это называлось «Эффект мужика с лопатой». Мол, незаметно для всех к тебе подкрадывается некий товарищ и с размаху бьет тебя по затылку. Несколько раз мне доводилось хорошо получать по голове, так что могу заверить – определенное сходство точно есть. Тут было практически то же самое. Сидели, разговаривали, но, если исключить непонятную чертовщину, которая постоянно творилась вокруг, то я не чувствовал себя как-то необычно. А тут, стоило только встать на ноги, все предметы перед глазами тут же поплыли, потеряв цвета, очертания смазались, а на самого навалилась такая апатия, что хоть режьте – даже отодвигаться не буду. Все потеряло смысл, не хотелось ничего. Тот факт, что дверь в квартиру теперь свободно открывается, воспринимался как дождь в Италии. Он, конеч-

но, идет, но мне с этого ни холодно, ни жарко. Никак мне от этого факта. Откуда, совсем издалека, я услышал голос Дмитрия Ивановича:

– Я понимаю, что первой же реакцией после вашего невольного заточения было бы немедленно связаться с вашими родными и близкими. И рассказать им, что с вами все в порядке, чтобы они не волновались. Но, к сожалению, это бы весьма и весьма нарушило бы наши с вами планы, поэтому во избежание подобного рода инцидентов, я прошу отдать мне ваши сотовые телефоны.

Я вытащил мобильник и бросил его в специально подставленный мне пакет. Краем глаза заметил, что также поступили все остальные. В голове мелькнула мысль, что здесь должно быть что-то не так, не согласились бы мы так вот просто на такой шаг. Особенно Вечный, недавно заимевший себе смартфон и берегущий его, как зеницу ока. Но даже это размышление ничем не отозвалось и просто ушло, как простое отмечание очевидного факта. С таким же безразличием люди отмечают, что по телевизору нечего смотреть или что наступила весна.

Пока мы шли, Дмитрий Иванович без умолку болтал, казалось, обо всем, что видел по дороге. Мы выслушали истории, как он жил в многоэтажках, как на его глазах на шестом этаже лифт оборвался и упал на самое дно шахты. Выйдя из подъезда и заметив пару алкашей, распивающих полторашку чего-то непонятного, он поведал нам, что жил в доме

с самым настоящим царским дворником, который таких вот люмпенов не пускал даже в переулок, не то, что к подъезду. На улице было достаточно прохладно – наши куртки и ветровки остались в квартире на вешалке – но это было неважно. Я сейчас думаю, что будь там землетрясение, то нам было бы все равно. Мы просто шли, куда нам говорили, и этого было достаточно.

За этими разговорами (точнее за рассказами от Дмитрия Ивановича) мы подошли к какой-то машине темно-синего цвета. За рулем сидел мужчина с пронзительно рыжими волосами. Увидев нас, он заулыбался, выскочил из автомобиля и распахнул дверь. Внутри было три ряда сидений. Дмитрий Иванович сел вперед, мы разместились сзади. Несмотря на все усилия отца и одноклассников, в машинах я не разбирался. Я из тех людей, кто считает, что «Бентли» – это черная машина для снобов, «Феррари» – красная машина для мажоров, а «Автоваз» выпускает ровно один вид автомобилей, порядковые номера – «Копейка» или «Семерка» – на которые крепятся в случайном порядке, и различить их нереально. Смирившись с подобным положением дел, я перестал претендовать на звание автоспециалиста, и для меня машины стали «машинами разных цветов и размеров».

Как только мы расселись, водитель выжал газ, и машина, взвизгнув колесами по асфальту, рванула вперед. От нечего делать я начал разглядывать внутренности автомобиля. Внутренности были на высоте. В такую машину садишься

и сразу понимаешь – дорого. Дорогим было все: и кожаная обивка, и тысячи непонятных кнопок на подлокотниках. Даже огромное зеркало заднего вида смотрело на нас, подчеркивая свою запредельную стоимость. Если бы мне не было наплевать на все, я бы, наверное, почувствовал бы себя очень неуютно.

Едва мы выехали со двора, как тут же свернули в соседний. Я и так достаточно плохо ориентируюсь на местности – неоднократно доказывал это тем, что умудрялся заблудиться в четырех домах – а тут уж и подавно. Уже через несколько минут я перестал понимать, где мы едем. Иван гнал машину на каких-то невообразимых скоростях, и мне постоянно казалось, что мы вот-вот врежемся в забор или въедем в стену дома. Но он как-то умудрялся так ловко вывернуть руль в последний момент, что машина изящно входила в поворот и летела дальше.

– Итак, господа, Дмитрий Иванович повернулся к нам. – И сударыня, конечно же. Мы уже скоро подъедем к перевалочному пункту. Перевалочным его можно назвать хотя бы потому, что дальше вы пойдете уже без меня. Рекомендую быть крайне осторожными. Человек, к которому я вас посылаю, очень, повторяю, очень опасен. Не стоит покупать на его показное дружелюбие или вспоминать – Скайльд, это относится в основном к вам – какие-то общие темы. Он с удовольствием вас выслушает, поддержит разговор, посмеется, а потом, когда вы отвернетесь, с той же улыбкой во-

ткнет вам нож в спину. Будьте предельно бдительно. Циничны. Не верьте никому. Если кто-то скажет вам, что он ваш друг – значит, все ровно наоборот.

Мы безразлично покачали головами. Быть бдительными? Хорошо, давайте будем бдительными. До того момента, когда скажут быть не бдительными, а наивными. Тогда станем наивными.

Иван в очередной раз выкрутил руль, и автомобиль, начертив на асфальте две черные полосы, вылетел из очередного двора на проспект. Мы тут же пристроились в общий поток машин, и уже через пару секунд нашего водителя можно было заподозрить разве что в излишней медлительности на дороге и чересчур дотошному соблюдению правил дорожного движения.

Мы неспешно доехали до дома Ленина. Тут же, как по волшебству (а может и в самом деле, по волшебству) перед нами освободилось свободное парковочное место. Аккуратно вогнав туда машину, Иван заглушил двигатель.

– Пора, – сказал Дмитрий Иванович и вышел на улицу. Осторожно, чтоб не коснуться припаркованной рядом Тойоты, он прошел на тротуар. Мы полезли следом. Дождавшись, когда мы все соберемся вместе, Дмитрий Иванович полез в карман. Оттуда он извлек плотно запечатанный конверт с какими-то иероглифами на нем. Иероглифы представляли собой странную смесь японской катаканы и скандинавских рун. Пакет он протянул мне.

– Это как раз то самое послание, Юрий. Будьте с ним, пожалуйста, аккуратны. И вручите его лично в руки тому человеку. Кстати, я так и не назвал его. Запомните, сам он себя называет Талипедес. О настоящем его имени я подозреваю, но это только мои догадки. Вам они ни к чему. Опять же я еще не смог доподлинно узнать, прав я или нет. Он очень скрытный, этот Талипедес, – последнюю фразу Дмитрий Иванович сказал, по-моему, даже не мне, а себе самому.

Я взял конверт. Остальные стояли, меланхолично глядя на дорогу. Дмитрий Иванович оглядел нас, усмехнулся и скомандовал:

– Пошли!

И мы покорно поплелись за ним под землю.

Подземный переход на ДOME Ленина всегда вызывал мой живой интерес. По нему вполне можно было побродить, если у тебя внезапно образовался свободный час времени, и ты не знаешь, чем себя занять. Располагался он под перекрестком, имел немалую протяженность и, если специально не смотреть на указатели, мог вывести тебя на поверхность в совершенно неожиданном месте. Вдоль обеих стен располагались бесконечные киоски с абсолютно восхитительной ерундой. Здесь можно было увидеть «настоящую итальянскую сумочку» за полторы тысячи или найти серебряную серьгу в виде листа конопли, вписанного в солнцеворот. Всевозможные сувениры, украшения, подарки, статуэт-

ки – все здесь было представлено в нереальном ассортименте. Причем было непонятно, как эти киоски выживают, потому что если начинаешь присматриваться, то становится ясно, что покупают в них хоть что-нибудь крайне редко. Но вот на удивление не закрываются и процветают.

Спустившись, мы прошли по одному из коридоров перехода, свернули в центре налево и остановились у какой-то витрины, за которой в изобилии разлеглись плетенные из бисера украшения.

– Вот тут, – кивнул Дмитрий Иванович и чуть слышно постучал по стеклу. Немедленно открылась дверь, из-за которой высунулась очередная рыжая голова. «Специально он их подбирает что ли...» – мелькнула у меня мысль. Голова закивала, заулыбалась и юркнула обратно.

– Пошли! – снова сказал Дмитрий Иванович, и мы начали заходить внутрь, даже не успев задуматься, как это мы все поместимся в крохотной комнатенке.

Решение оказалось достаточно простым. Рыжий продавец толкнул один из стенов у стены, и тот, неожиданно оказавшись дверью, распахнулся внутрь. За импровизированной дверью оказался коридор, отдаленно напоминающий рабочие коридоры метрополитена. Небрежно оштукатуренные стены, тусклые лампы под потолком, выхватывающие из темноты небольшие круги. Дмитрий Иванович уверенно зашагал вперед. За ним шел Вечный, потом Хан. Мы с Нэйрой сначала старались идти друг рядом с другом, но это оказа-

лось ужасно неудобно ввиду недостатка места, и я сместился назад. Дверь позади нас закрылась настолько бесшумно, что я даже не сразу понял, что мы оказались заперты. Просто в определенный момент осознал, что больше не слышу гомона толпы, обычного для перехода.

Шли мы около получаса. Коридор постоянно сворачивал то в одну, то в другую сторону, несколько раз мы оказывались на перекрестках, но Дмитрий Иванович, судя по всему неоднократно здесь бывавший, ни разу даже не замедлил шаг. Наконец, наш путь закончился железной дверью. Дверь была обшарпана и покрыта какими-то царапинами и выбоинами, как будто ее пытались выставить, но не преуспели. А может, и преуспели, да потом восстановили. Из-за двери время от времени раздавался глухой грохот, как будто неподалеку сходил оползень. Дмитрий Иванович остановился и повернулся в нашу сторону. Сбившись в кучу, мы молча смотрели на него.

– Что ж, господа и дама, вот мы и на месте. Дальше уже без меня. Тут осталось недалеко – не заблудитесь. Позвольте еще раз взглянуть на ваши руки, – Дмитрий Иванович ловким движением извлек уже знакомый пузырек, обмакнул в него ватную палочку и добавил пару штрихов на каждой протянутой ему руке. Когда очередь дошла до Нэйры, он внимательно осмотрел нанесенные ранее узоры, хмыкнул и начал очерчивать некоторые из них заново.

– Юрий, я хотел бы обратиться к вам. Помните, что по-

слание находится именно у вас, – говоря все это, Дмитрий Иванович не переставал трудиться над собственными художествами. Нэйра ждала, безучастно глядя мимо него. – Запомните, самое важное – вручить послание. Обратную дорогу вам покажет Талипедес. И еще одно, это уже лично для вашего же блага – поинтересуйтесь у этого господина, где он получил свою рану. Получил свою рану, – повторил он, словно боялся забыть такой важный факт.

– Ну, – Дмитрий Иванович распрямылся. – Теперь точно все. Искренне желаю удачи. Очень надеюсь, что в скором времени мы вновь увидимся и весело посмеемся над этим забавным приключением.

Движением опытного фокусника наш проводник сменил пузырек в руке на небольшую, причудливо слепленную свечу. Я не заметил, как именно, он это сделал, но через мгновение свеча горела ровным желтоватым светом. Дмитрий Иванович еще раз оглядел нас, а потом с размаху воткнул свечу в стену, слева от двери. Раздался долгий металлический скрежет. Мы, не сговариваясь, повернулись к двери. Но дверь не претерпела никаких изменений. Она по-прежнему была закрытой. И крайне убогой.

– Нет-нет, – рассмеялся Дмитрий Иванович. – Сюда!

Он указал на небольшой, в половину человеческого роста, проход в стене сбоку от двери. Еще секунду назад его там не было – в этом я мог поклясться. С другой стороны, чем уж теперь-то удивляться. Эту мысль я додумывал, когда,

согнувшись в три погибели, пролезал в открывшийся проход. Радовало только то, что сразу за этим лазом оказался коридор вполне нормального размера, где можно было вполне нормально стоять и даже ходить. Я встал, поджидая остальных.

– Помни, Скайльд, откуда он получил свою рану! – донеслось сзади. Затем раздался треск, и проход в стене попросту исчез. Не выехала сбоку или сверху панель, не захлопнулась незамеченная раньше дверца, нет. Его просто не стало. Без каких-либо спецэффектов. Если не считать за спецэффект звуковое сопровождение.

В следующий момент случился очередной «Эффект мужика с лопатой». Голова закружилась, правда в этот раз всего на пару секунд. А в следующий момент я отчетливо осознал, что стою черт знает где, на кой я сюда забрался – непонятно, как отсюда выбираться – тоже неясно. И кто нас сюда притащил и что теперь с этим делать – тоже весьма гнетущий вопрос.

– Какого, вашу мать, хера? – раздался сбоку негодующий вопль Вечного. Я догадался, что отпустило не только меня одного. Мы все вчетвером повернулись и посмотрели друг на друга.

– Юра, ну, вот скажи мне, какого, епта, мы вот здесь стоим?, – Вечный, как обычно, когда хотел показать всю серьезность момента, начал называть меня по имени. Он даже интонацией его специально выделял, чтобы еще больше пока-

зать, как его раздражает происходящее в целом и я в частности.

– Ты, Вечный, не попутал ничего? Я, блин, здесь причем? Я как бы тоже не из тяги к приключениям сюда поперся!

– А чего бы он с тобой тогда возился? «Юра, вы не забудьте», «Юра, вы передайте»!

– Иди в жопу, Вечный! Я ровно столько понимаю, сколько ты. Может чуть больше – чего уж там, эволюция не дремлет.

– Не смешно!

– Да, я и не смеюсь!

– Вы там подеритесь еще! – не выдержал Хан. – Что за привычка – постоянно собачиться? Чего делать будем? Кто-нибудь хотя бы примерно представляет, где мы вообще можем находиться?

– А кто-нибудь хотя бы примерно представляет, кто может здесь жить, – тихо сказала Нэйра, глядя вглубь коридора, который метров через двадцать поворачивал, не позволяя увидеть, что там дальше. – И к кому нас отправили. У меня складывается отчетливое подозрение, что этот, как его, Дмитрий Иванович в целом особо и не шутил, когда сказал, что отправит нас в ад.

– Тут вроде как часовня, – неуверенно протянул Вечный.

– Часовня – это круто, конечно. Только вот, Вечный, смотри. Ты у нас на каждом углу кричишь, что ты обрезанный еврей. Не знаю, насколько это правда, потому что спустя полчаса – ты ревностный католик. А спустя еще пол-литра жизнь

отдашь за Бога-Императора. Скайльд у нас упоротый язычник. Не соблюдающий, правда, ни черта, но тем не менее к христианству относящийся вполне определенно. Куда при ткнуть Ханумана с его страстью к Японии и нику из индийской мифологии, я и сама не знаю. Я как-то тоже не в восторге от христианства, и хотя нормально сформулировать свои, хм, верования не могу, но это точно не про товарища Иисуса. Внимание, вопрос. Даже если мы недалеко от часовни – нам-то это как поможет? А теперь еще один, вдогонку: вы точно уверены, что мы все еще недалеко от часовни? Давайте, на секунду вспомним, как мы в запертой квартире болтались. Я, вообще, сейчас ни в чем не уверена.

Я в знак согласия закурил. Вечный хотел, было, меня одернуть, но потом махнул рукой и полез за сигаретами сам. Хан присел на корточки и начал задумчиво водить пальцами по полу. Нэйра стояла, закрыв рот стиснутыми кулаками, и смотрела в одну точку.

– Ладно, чего уж теперь! Пойдемте дальше. Найдем этого кренделя, возьмем по козырек, гаркнем «тобе пакет» и по домам.

Я уже практически полностью научился отслеживать момент, когда меня начинало «нести». В целом, можно было бы и контролировать словесные потоки, но я так хоть чуть-чуть спускал пар и успокаивался. Выдохнув, я кивнул головой вперед и, не глядя на остальных, медленно двинулся к повороту.

Стен в коридоре человеческие руки не касались никогда. Обычная пещера, разве что достаточно высокая и широкая – мы легко шли всей толпой, особо не толкаясь. Стены местами поросли мхом, время от времени встречались семьи полупрозрачных грибов. В самой пещере не было ничего особенного. Если не считать, что вход в нее был расположен под центром нашего города.

За поворотом коридор продолжался дальше, но из-за изгибов видимость обрывалась на границе десяти-пятнадцати метров. Мы продвигались молча. И хотя тем для обсуждения хватало с избытком, все просто шагали, раздумывая, что нам встретится далее. За последние сутки я столкнулся с явлениями, с трудом укладываемыми в рамки логики. Для разнообразия я попробовал объяснить все происходящее, опираясь на принцип бритвы Оккама. Но то ли принцип устарел за минувшие двадцать четыре часа, то ли я упустил что-то значительное – ничего другого, кроме «я внезапно секретный агент МИ-6, потерявший память, и вот, наконец-то, пришли по мою душу» мне на ум не пришло. В общем, ничего толкового на ум не пришло. Я посмотрел на Вечного.

Вечный злился. Он практически всегда злился, когда происходило что-то, на что он не мог повлиять. А уж тем более, когда его заставляли в этом участвовать. Думаю, он и на меня-то сорвался около входа, потому что хотел найти хоть кого-то крайнего и, зацепившись за него, попытаться понять, что происходит. Он был высоким – сантиметров на пять вы-

ше меня – и очень худым, возможно, от этого его движения всегда были резкими, практическими рваными. К тому же он придумал себе, что наиболее показательная деталь «настоящего мужика» – это борода, и немедленно отрастил себе эту неотъемлемую черту брутальности. Кстати, несмотря на все наши шутки по этому поводу, тщательно ее берег и не сбривал. Сейчас он шел и что-то угрюмо в эту самую бороду бурчал. Я даже мог слышать некоторые особо циничные пассажи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.